

№ 4 (382)

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Военная лирика: Е. ВИНОКУРОВ, А. ЗАЯЦ, М. КАБАКОВ,
И. КОХАНОВСКИЙ, А. ЛЕОНТЬЕВ, Н. МЕДВЕДЕВА,
А. МЕЖИРОВ, Б. СЛУЦКИЙ

Судьба клоуна
ФОТОГРАФИЯ ИЗ АРХИВА СИГУРАНЦЫ.
ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

4 (882)

ОБЕРЯТЬ
1934

Год издания: 1934

ПРЫ- ЖОК В БОЙ

...Кто знает, как это все получится там, внизу. Может, ветер разбросает солдат, и им придется в одиночку «сражаться с врагом», пробиваться к своей технике...

Фотоочерк о десантниках смотрите на стр. 4—6.

ШКОЛА ВОЕННОГО ПАТРИЗМА

Генерал армии А. ЕПИШЕВ,
начальник Главного политического управления
Советской Армии и Военно-Морского Флота

Недавно в западногерманской прессе появились скандальные сообщения об издевательствах и избиениях, которым подвергались солдаты одной из частей армии ФРГ — Бундесвер. И хотя все это преподносилось под видом совести, случайного эпизода, многие комментаторы вынуждены были признать, что речь идет не о частном случае, а о насаждаемой сверху жесткой системе воспитания, о царящих в западногерманской армии диком произволе, унижении и оскорблении человеческого достоинства солдат. Таково подлинное лицо бундесвера и других империалистических армий, являющихся послушным орудием в руках капитализма.

И в этом нет ничего удивительного. Империалистические силы Запада по-прежнему не отказались от планов крестового похода против стран социалистического лагеря. Эти цели лучше всего отвечают солдатам, вымуштрованным в атмосфере жестокости и насилия, обманутые и обманываемые, привыкшие бездумно выполнять любые приказания. Прикрывая свои агрессивные устремления лицемерными разглагольствованиями, империалистическая пропаганда настойчиво вбивает в головы молодых людей мысль о неизбежности войны, призывает их к неизменным качествам: звериному жестокости, эгоизму, жестокости, воспевает их в духе ненависти к коммунизму, ко всему переходному, прогрессивному.

Странная, неслыханная пропасть лежит между капиталистическими армиями и нашими Вооруженными Силами. Советская Армия живет едиными мыслями и чужими со всем нашим народом, воздвигнувшим светлое здание коммунизма. Ее оружие обращено на защиту революционных завоеваний и свободы трудящихся, на оборону родной страны от империалистических захватчиков. Она с честью выполняет свой интернациональный долг, является могучим фактором предотвращения войны, сохранения мира во всем мире.

Советская Армия и Флот — это школа мужества и героизма, школа коммунистического воспитания, это армия подлинного гуманизма, высокой духовной и физической культуры. Как тут не вспомнить письмо солдата Анатолия Колопцова, присланное им в свою часть после демобилизации: «Армия поставила меня на верный путь — путь коммунизма — помогла своим глазам взглянуть на нашу жизнь. Я понял, что люди, даже самые потерянные, каким когда-то был и я, могут найти свою цель в жизни. Огромное спасибо Советской Армии за то, что помогла мне встать за ум. Я еще не комсомолец, но обязательно добьюсь, чтобы меня приняли в ряды комсомола, буду учиться. Все свои силы я отдаю своему родному, чтобы они никогда не знали марша войны».

Это лишь одно из многих тысяч писем, свидетельствующих о живом, нерушимом связях Советской Армии со своим народом, армии, которая, говоря словами Владимира Ильича Ленина, призвана оберегать завоевания революции, нашу народную власть... весь новый истинно демократический строй, от всех врагов народа».

Советский народ знает лириком, создателем мифов, ему не нужна война. Ленинский Центральный Комитет нашей партии, лично Никита Сергеевич Хрущев не жалует усилия для предотвращения войны, делают все для того, чтобы сохранить мир на земле. Советскому Союзу, всем миролюбивым силам удалось добиться некоторой разрядки международной напряженности.

И сейчас все мы — свидетели новых миролюбивых шагов Советского Союза. С трибуны декабрьского

Пленума ЦК КПСС Н. С. Хрущев заявил о том, что партии и правительству обдумывают возможность некоторого дальнейшего сокращения численности наших Вооруженных Сил. Верховный Совет СССР принял решение об уменьшении в 1964 году расходов на военные нужды. Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев обратился к главам государств [правительства] стран мира с предложением заключить международное соглашение об отказе государств от применения силы для решения территориальных споров и вопросов о границах. А недавно опубликован меморандум правительства СССР о мерах, направленных на ослабление гонимости вооружений и смягчение международной напряженности.

Но мы ни на минуту не можем забыть о том, что наша мирная политика встречает упорное сопротивление наиболее агрессивных кругов западных держав. Империалисты продолжают обострять международную обстановку, ведут бешеную гонку вооружений, стремятся повернуть человечество в путь тлеющей войны. Все это обманывает нас быть бдительными, неустanno заботиться об укреплении обороноспособности страны, могущества наших доблестных Вооруженных Сил.

За последние годы у нас произошла подлинная революция в военном деле. Оснoву огневой и ударной мощи наших Вооруженных Сил ныне составляет атомная и термоядерное оружие, главным средством доставки его и цели являются ракеты, способные в считанные минуты преодолеть огромные расстояния и нанести сокрушительный удар по противнику в любой точке земного шара. Но главная наша сила — люди, замечательные советские воины, в совершенстве владеющие современной боевой техникой, до конца преданные народу, делу коммунизма.

Необычайно важна роль в выполнении задач, стоящих перед нашими Вооруженными Силами, принадлежит армейской молодежи, нашим комсомольским организациям. Комсомольские организации армии и флота помогают командирам, политоргам и партийным организациям в выполнении требований партии и правительства о поддержании постоянной боевой готовности войск, дальнейшем укреплении единичности, развращении социалистического сознания, мобилизуют молодежь на успешное выполнение задач боевой и политической подготовки и укреплении воинской дисциплины.

Ряды армии теперь в значительной степени пополняются молодежью с высшим и средним образованием. Достаточно сказать, что почти треть призывников имеет дипломы об окончании вузов и техникумов, аттестаты зрелости, а в ракетных войсках тактикой людей более половины всего призыва. Вот, например, кем пополняются недавно одно из подразделений. Среди 15 воинов-новобранцев — два инженера, один техник, восемь выпускников средней школы. И это не какой-нибудь из рядов воинов выходящих случаи, а обычное явление. Сегодня воином должен хорошо разбираться в ядерной физике, радиоэлектронике и многих других отраслях науки и техники, без которых немыслимо успешное овладение современным оружием.

Армейские комсомольцы добились значительных успехов в боевой и политической подготовке. При их активном участии ликвидированы стачечные подразделения в ракетных войсках стратегического назначения увеличилась почти в три раза. Вонима-ракетчикам успешно осваивается новая техника.

Большой вклад в дело повышения боевого мастер-

ства воинов внести комсомольцы сухопутных войск. Движение за продление сроков службы техники, взаимомозаичность в расчетах и экипажах, за овладение сложными видами техники и артиллерии вооружением подразделения прочно вошло в жизнь многих комсомольских организаций.

Более сорока процентов комсомольцев войск противовоздушной обороны — отличники боев и патристические подполковники и капитаны второй — специалист широкого профиля. В отличие ПВО широко развита работа за овладение высокой классностью, сокращение нормативов боевой готовности, самонаблюдение за классностью подразделений.

Неуловимо растет боевое мастерство воинов-авиаторов, множество молодых летчиков, штурманов, техников, механиков заслужили высшие классы по своей специальности и успешно борются за сохранение сроков подготовки самолетов к вылету, улучшение качества эксплуатации техники, за высокую техническую культуру.

На кораблях и в частях Военно-Морского Флота сейчас каждый третий — комсомолец. Это больше становится моряков, овладевших дельта и старыми специальными. Подводная лодка, где стретрала комсомольской организации главный старпом Михаил Коротков, все чаще становится местом, где выполняет только на «котлован» и «коромы». В экипаже этой лодки все комсомольцы — отличники, каждые девять из десяти — классные специалисты.

Декабрьский Пленум ЦК КПСС вызвал новый прилив творческой сил молодых воинов. Сейчас они активно включились в Ленинский эстафету, начатую по инициативе ракетчиков. Эта эстафета проводится в честь 40-летия присоединения комсомолом имени великого Ленина. Первый ее этап приурочен к 45-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Ленинская эстафета, участником которой является вся армейская молодежь, состоит из двух важных, дополняющих друг друга частей: дальнейшего повышения боевого мастерства, технического кругозора воинов и молодых офицеров и всестороннее изучение богатого ленинского наследия, биографии великого революционера. Коммунистический ЦК имеет интересное дополнение к эстафете: недавно комсомольцы Одесского военного округа. Каждый комсомолец должен сделать отчет о проведенной работе перед своей группой, группа — перед партийной организацией (п. 1, 6). Одесская эстафета — это движение боевой проверки комсомольских дел.

Недавно мне довелось побывать в одном из военных округов. Было много интересных встреч с молодыми офицерами, полковниками, капитанами, старшими лейтенантами, с офицерами, главными инженерами. Все эти рассказы обрываются одной фразой: мысли: мы не покажем своим сил, а если потребуются, и жизни ради мира и спокойствия своего народа.

Повседневная жизнь наших Вооруженных Сил полна примеров мужества и отваги советских воинов. Нашему народу становятся известны все новые и новые имена воинов, которые отличились в боевой подготовке, при испытании новой техники, разминировании, при выполнении своего воинского долга.

Удобродия людей, доблестные в море. На морской узкой напаве посылкусь офицер. Ударившись головой о металл, он потерял сознание и упал в воду. «Человек за бортом!» — прозвучала тревожная команда.

И сразу же рядом с тонущим оказался Василий Шевцов. Намокая одежда, срываясь дельта, синеватым грузом тинули ко дну сапоги, холодная вода сводила мышцы.

Провис в трудную минуту мужество и отвагу, доблестный моряк старшина 1-й статьи Василий Шевцов, офицер. За этот подвиг Президиум Верховного Совета СССР наградила его медалью «За отвагу».

Сын ученика. Когда предосторожно замерзшую реку, когда до берега осталась несколько метров, лед провалился, и управляемая рядовым Игорем Хасизовым машина пошла ко дну. Каждая потерянная минута угрожала срывом выполнения задания и выполнимости боевой техники. Тогда комсомолец Хасизов принял дерзкое решение. Он прыгнул в ледяную воду, отплыл к леднику, взял конец троса, доплыл с ним до берега, заперев его там, а затем возвратился в машину и вывел ее на берег. Постановочная задача была полностью выполнена.

Примеров мужества и бесстрашия советских воинов немало. Только за последние два года за подвиги и самоотверженность в выполнении своего долга, за образцовое освоение новой техники, за отличие передовым отрядам и медалями Советского Союза свыше

4 тысяч военнослужащих, в их числе много комсомольцев.

Среди награжденных — военный летчик 1-го класса капитан Виктор Михайлов. Это молодой офицер отлично знает авиационную технику, овладел техникой пилотирования на всех высотах. Не раз в воздухе он оказывался в сложной обстановке и всегда вылетал победителем. За успешное овладение новой авиационной техникой он награжден орденом Красной Звезды.

Важное место в работе с подрастающими поколениями занимают вопросы военно-патристического воспитания, в котором заметно усилилось внимание ЦК ВЛКСМ и местных комсомольских организаций. Это мы ощущаем на качественном изменении приходящего в армию и на флот пополнения.

Отрадно отметить, что отбор молодежи, поступающей в военно-учебные заведения, проходит при активном участии комсомола. Возрождается хорошая старая традиция направления в училища добровольцев по комсомольским путевкам.

В настоящее время во многих школах страны работают отряды юных друзей Советской Армии. Эти отряды помогают военно-патристическому воспитанию школьников. Было бы очень хорошо в каждой школе создать отряд ЮДСА.

Предварительно рекомендовали себя создаваемые местными комсомольскими организациями, при участии армейской общественности, оборонно-спортивные лагеря, в которых юноши получают хорошую физическую подготовку. Таких лагерей много. Например, Московским горкомом ВЛКСМ. За летнее время в нем побывало много школьников старших классов. Они проводили спортивные соревнования и игры, знакомились с жизнью армии и ее боевыми традициями.

Это дня в день крепнут и ширится связи военных частей с коллективами трудящихся. На Украине, например, над каждой воинской частью шефствуют завод, фабрика или колхоз. Учреждены парадные знамена для лучших армейских комсомольских организаций. Недавно в одном из соединений Киевского военного округа побывали секретари ЦК и обкомов комсомола Украины и члены ЦК секретарей райкомов, раймонов, крупных комсомольских комитетов. Комсомольские активисты познакомились с современной техникой и оружием. Участники сбора обменялись опытом по военно-патристическому воспитанию молодежи. Перед ними выступил командующий Сибирским военным округом генерал-полковник Г. В. Бакланов.

За годы службы в армии или на флоте юноши получают немало полезных знаний, приобретают специализацию. Многие воины после увольнения в запас едут по комсомольским путевкам на ударные стройки, в союзы страны. Только за последние пять лет на ударные стройки Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока и целинные земли выехали около шестидесяти тысяч воинов-добровольцев. Сейчас, после декабрьского Пленума ЦК КПСС, многие армейские комсомольские организации организуют тематические ударными стройкам большой зимы, в том числе и с комбинатом «Апатит» — подшефной стройкой журнала «Смена».

В эти дни, когда весь наш народ предпринимает 45-ю годовщину Советских Вооруженных Сил, хочется пожелать нашей славной молодежи новых больших успехов в труде, учебе, общественной жизни. Всегда помните и свято выполняйте указания нашей партии о том, что защита Отечества, служба в Вооруженных Силах — высокая и почетная обязанность советского гражданина. Каждый юноша, готовя себя к службе в армии, должен много и прилежно учиться, стремиться пополнить свои знания. Недостаточная общеобразовательная подготовка затруднит изучение сложной современной боевой техники, овладение военной специальностью.

Каждый юноша должен уметь хорошо стрелять, плавать, ходить на лыжах, иметь навыки спорта, достигнуть разностороннего физического знания, sports, необходимо в армейской жизни. Многого в этом отношении можно добиться, активно участвуя в работе организации ДОСААФ.

46 лет брительно и надежно оберегают завоевания Великого Октября, дело мира наши доблестные Вооруженные Силы. Воспитанные Коммунистической партией, согласно призыву народа, советские воины и вперед будут с честью выполнять свой священный солдатский долг.

ШАПО

Алексей ЛЕОНТЬЕВ

Когда нам ночь,
как не сейчас!
Когда нам лето, как не сейчас,
на истраждающей земле,
на нашей радостной земле,
где ты прощай победный путь...
Патроны только береги
да об одном не позабудь,
какую страшную цену
ты заплатил за дом родной,
за то, что встретил с мной,
за город свой,
за шар земной!

1046 г.

Анатолий ЗАЦ

Когда я шел
На стоп
За разводящим,
Что был один
Начальник или
И Бог,
Когда я мерз
На ветре ледяном
Иль от жары
На полгоне
Глох,
Когда хорил
В калугу
В перевалех,
Когда оружье
В танке
Зарядил,
Когда стоял
На полевой поверке,—
я

ни одной стране
не угрожал.
Я только слышал
завали лессие,
Я только видел
зори
над страной,
Я только знал,
Что Родина,
Россия,
Спокойно дышит
За моей спиной.

ЛКОВОЙ ПОВЕРКЕ

Александр МЕЖИРОВ

Неизбежность

Он водою из котелка
Умылается на откосе,
Носики скручивает он козынь
Финишного табака.

Дым над ним заглублился смелый,
Ковыда вытоса, столбы стоят.
Установлено экспертизой,
Что табак этот — судей ад.

Курит. Шуртис. Благодать!
Вспоминает пустое что-то.
С места двигаться неохота.
Как бы, думает, не отстать.

Между тем паровоз все чаще
Выдыхает пары —
И вот

Старый колочок безразличный
Отравленные подбед.

Словно машин колотят об пол.
Но не слышит он ничего.
Между тем зашелом потопал,
И уже не догнать его.

Воду Ладюга из шезлома
Не испить ему, не испить.
Совершенного не козынь,—
Ах, отстал он от шезлома!

Волжскойстрой. 41-й год.
За ошмбик таного рода
Стенка или штрафная рота—
Меньше Родина не дает.

— В чем же перед войной и миром
Так заведомо виноват
Этот ставший вдруг дезертиром,
Чуть отставший от всех солдат!

— Если так вот поступит командир,
Мы не вытравим война.
И поэтому жизнь отдашь ты
В искупление вина.

Невинно. Но непероравимо
Ты отстал уже навсегда,
И хондонные ключья дыма
Оседлят на проводе.

Надежда МЕДВЕДЕВА

В отряде

О юности птица смело судит:
Всем дарит щедрое ку-ку.
Сидели у землянок люди,
Одни нагнулись к котелку,
Другой сплоснился над затвором,
Собрался третий в караул—
Дремлону над усталым бором
Тревожили отдаленный гул.

Настя из елок приняла, ношию,
С бинтами сумка
Почему,
Густые хвойные игошки
Помолила дельцецо щелку.

А сердце обновленно былошь.
Светло дочкиню в темноте.
Для искорки, снегу, извини
И данной звездной вышине.

За лесом шлан шеренги
Черные.

За лесом враг весь свет затинал.
Укрыл созвездьям дочкиню
Неоконфузованный мир.

Игорь КОХАНОВСКИЙ

Борис СЛУЦКИЙ

Звуковой барьер

Слышали грохот в небе!
Гром, и вроде не гром.
Раньше такого не было
В туман и голубом.

Она дрожат в квартирах...
Это преодолел
Сверхзвуковой, реактивный
Свой звуковой барьер.

Скорость — вот ключ секрета.
Ох, как нужно спешить
Этим почти ракетам,
Чтобы летать и летать!

Или обгонят будни
Нас из крутых виражей.
Время, как небо, не будет
Медленнее нас держать.

Видишь, как концы разбекалсь,
Гонит и адал и вишьр...
Где-то я задержался,
Нужно теперь спешить.

Нужен поставленный голос,
Чтобы в любой дали,
Чтобы в любую скорость
Слышать меня могли.

21 ИЮНЯ

Тот день в году, когда летает
Над всей Москвой крылатый пух
И, белый, словно снег, не встает.

Тот самый длинный день в году,
Тот самый долгий, самый лучший,
Когда плохого я не жду.

Тот самый синий, голубой,
Когда близки и достижимы
Успех, и дружба, и любовь.

Не проходи, продлись, помядиль.
Прости несчастливые часы.
Дай посмотреть твою красу.

Евгений ВИНУКUROB

Возвращение с фронта

Огромную цель пред собою
Я видел! Как в дыманом краю
Вынесет солдата из бою,
Так вынес я душу свою.
С отвагой сестры батальонной
С дымящейся передовой
Я вынес ее ошалевший
И стонущий,
но живой.

1945 г.

Полобоваться, наслаждаться.
Дай мне испить твоей водички,
Прозрачной, ключевой, живой.

Пусть ползает, не садится.
Пусть день еще, еще продлится.
Пусть солнце долго не садится.
Пусть не заходит над Москвою.

Марк КАБАКОВ

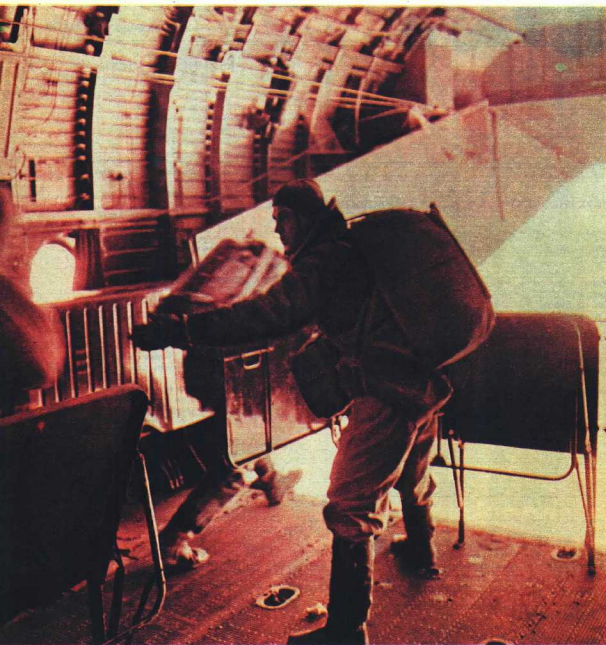
Балтийск

Крыши, крытые черепицей,
К ибу выгнутые дома...
Облапанная граница,
От залива ползет туман...
По картинкам, звуковой с детства,
Прорезая белесый мран,
Надо мной горит по соседству
Молчаливый серый маяк.
А за ним,
За стеной тумана,
Там, где в гавань прорезан вход,
Бронированным великаном
Держит вату Балтийский флот.
Море, вот оно,

тут же,
рядом.

Бесполойную ночь суля,
Смотрит в комнату алым взглядом
Клоути ближнего корабля.

В. СУВОРОВ

Фото В. ГАТЧИКОВА

Ранним утром из штаба пришел приказ: «Десантному подразделению после установленной подготовки совершить длительный марш

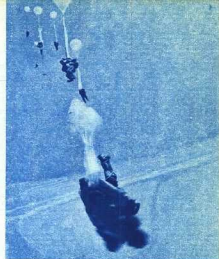
по воздуху, вступить в бой с «противником» и уничтожить стартовую позицию ракет в его глубоком тылу».

И тут же над спящим гарнизоном залилась сирена: «Вставай, десантник! Тревога!».

Нелегкая это штука — установленная подготовка.

На площадке тяжелой техники залзгали парашютные платформы, заурчали двигатели тягачей. Началась загрузка артиллерийских установок, самодвижущихся пушек, минометов. На счету каждая минута.

Атака! Неудержим натиск воздушных десантников.

ПРЫ- ЖОК В БОЙ

Сержанты Прохоров, Подгорнов, Басов, Краснощечков вместе со своими расчетами заняты ювелирной работой. Они устанавливают Бокковые стойки, балки, заготавливают трамплин. Ошибиться нельзя. При малейшем смещении пушки, бронетранспортера или миномета на платформе нарушится центровка. И тогда недолго до беды.

Наконец все фермы смонтированы, закреплены многотупельные системы. На аэродроме стоят готовые к полету тяжелые воздушные корабли. В широкие проемы фюзеляжей вползают зачехленные платформы, быстро занимают свои места десантники.

Аэродром наполняется гулом реактивных турбин. Одни за другим уходят в воздух самолеты.

Впереди долгий и трудный путь. Обещанные парашюты, снаряжением, оружием, десантники наблюдают за землей.

Через несколько часов им предстоит совершить прыжок в бой. Кто знает, как это все получится там, внизу! Может, ветер разъединит, разбросает солдат и им придется в одиночку сражаться с врагом, пробиваться к своей технике...

Командира не отличить от подчиненных. Он в такой же меховой куртке, как и все, и так же внимательно смотрит вниз, на землю. Задумался командир, вспоминает прошедший год.

...Тренировки, тренировки, каждодневная, кропотливая работа. На парашютной горке, ставле подвешенных систем, батуте, «лопигне», «крейском колесе» учились солдаты. Суровая десантная служба сблизилась, закалка ребят. Они вместе прыгали, вместе ходили в атаку, привыкли к любым случайностям на земле и в воздухе.

Сегодня им предстоит серьезный экзамен. Вот рядовой Анатолий Тарбарин. Отличный боец. А сколько с ним пришлось повозиться! Парень боялся прыгать даже с трамплина. А Валерия Самошина пришлось отучать от излишней самоуверенности. Это тоже было не просто.

На табло загорелась желтая лампочка.

— Приготовиться!
Расслазились грузовые люки.

— Приготовиться!
В хвосте самолета открылось голубое окно.

— Приготовиться!
Всплынул зеленый сигнал.

— Пошел!

В небе повисли парашюты. Их много...

...Растут в размерах барханы, уже можно различить даже кочки. Это «вражеский» тыл... Укрыться негде.

Начинается «бой». Активность, выучка, воля — только они теперь могут помочь.

Тяжело уходя на амортизаторах, падают на землю самоходные артиллерийские установки, пушки, минометы...

— Я «Мечта-12», а «Мечта-12»! — слышат радист десантников на сборный пункт.

Сорваны стальные фалы, отброшены крепления, запущены моторы. Из-под металлических ферм появляются артиллерийские установки и самоходные пушки. Поднимаются пыльные вихри, они несутся на «противника». На высоте «эражеский» опорный пункт. Он прерывает путь к стартовой позиции управляемых ракет. Бронетранспортеры и пехота штурмуют укрепленные позиции.

«Противник» переходит в контратаку. Из-за укрытий выползают его танки, открывают огонь тяжелая артиллерия.

С командирской машины поступает сигнал: «Атаковать «противника» на левом фланге!». Автоматчики при поддержке огня самоходных орудий устремляются вперед.

Короткая остановка. Младший сержант Батраков быстро заряжает пушку. Выстрел! В небо вздымается столб огня и дыма. Еще выстрел! С криками «ура» рвутся вперед десантники. Взят опорный пункт, но атака продолжается. «Противник» подтягивает свежие силы, отчаянно сопротивляется. Но выдержать натиск десантников он не в силах.

А потом как-то разом все смолкло...

Меж острых зубцов гор костром запылилась жават. Приятно сбросить с головы шлем, полежать хоть минутку на тихой, теплой земле. Но отдыха не будет: предстоит ночной марш. Надо зазавтракать аэродром «противника»...

— Вставай, десантник! В бой, десантник!

Тренировочная вышка. Здесь рождаются парашютисты.

Последние минуты перед дальней дорогой.

Евг. БОГАТ

Фото М. МУРАВОВА

КЛОУН

Рось в архиве Подольского Дома пионеров, я нашла старую фотографию детского джаз-оркестра. Она пожелтела, выцветла, хочется сказать: отсырела — потому что была похоронена вдали на большой засухенный осенний лист. И все казалось мне, пока я держал ее в руках, что она, это доброе, рассыпалось сейчас, и исчезнет единственное вещественное напоминание о том далеком довоенном дне, когда на сцене Дома пионеров смеялся-плясала маленький саксофон, уныло-весело вторил аккордеоны и ударял, ударял в медные тарелочки и гитупещей барабан худенький мальчик. У него было выразительно-серьезное лицо с чудной лункиной губой, лицо, которое через секунду может стать восторженным.

Мне захотелось узнать о дальнейшей судьбе маленьких музыкантов этого оркестра. И сотрудница дома, старшая женщина (до войны она танцевала, и пела, и летала стихи в этих стенах), стала рассказывать, напряженно всматриваясь в туманные лица мальчиков и девочек: — Извините, имен почти не помню... Контрабас убили. Саксофон убили. Гитара работает акордеоном на пиване. Второй саксофон — ученый. Аккордеон — с сельхозтехнике. Мандолина... учительница музыки. Второй аккордеон погиб... Она помочала... Ударили? Тоже...

— Нет! — раздался негромкий голос — Нет!.. Это же Миша! Что вы! С краской в ушах кабинета тяжело поднялась мужчина лет шестидесяти: до этого он что-то записывал и будто бы ничего не слышал — уронил с колен на пол тетрадь и, опираясь на палец, подошел к нам.

— Дайте мне! — сказал строго и дотронулся пальцем до худенькой фигурки мальчика над барабаном — тихо, тихо, точно боясь, что тому может быть больно.

— Миша... повторил он и улыбнулся, как улыбаются иногда дети, ликующие и смущенно.

— Теперь и я узнаю его, Николай Николаевич, — сказала женщина виновато.

В книге «День мира», острившей горести и надеждам планеты 27 сентября 1935 года, в ряду многих великих и малых событий отмечено рождение в городе Подольске школы художественного воспитания детей. Создал ее Николай Николаевич Гарновский, местный житель, молодой тогда музыкант, воспитавший Московскую консерваторию...

Но об этом я узнала потом, а в ту минуту видела перед собой ликующе-смущенную улыбку, удивительную на лице уже старшего мужчины. (Теперь, когда жизнь этого человека хорошо мне известна, я назвала бы его улыбку емкой: живой собирательный образ сотен детских улыбок.)

Он бережно положил фотографию на стол.

— Если хотите, я расскажу вам о Мише... Вы, может быть, даже слышали его фамилию. Штудий Он стал клоуном...

И рассказал о судьбе худенького ударица из детского джаза. Я записывала лихорадочно быстро, стараясь не отстать от живого потока воспоминаний. И думала, думала караваном: да это же новелла, хоть завтра печатать, ничто не мешает!

Но я не стал искать для нее названия, даже не переписал ее набело, потому что понял: она мертва для меня, пока я не увижу ее героя. Да, и должен был увидеть его лицо и уши, слышать его голос — и не только

для того, чтобы обогатить повествование живыми деталями. Мне нужно было глубже понять самое главное в этой судьбе: резкое, обнаженное несоответствие между обстоятельствами жизни человека и его делом.

А увидеть его я не мог. Незадолго перед этим он уехал на гастроли в Швецию. Потом путь его лежал еще дальше, в Южную Америку. Я ждал; мне удалось найти его старых товарищей и пожелтавшие письма и восстановить похлостерые детали жизни на страницах жизни.

Он вернулся, и я к нему пошел.

С детства я любил это здание с куполом на старом московском бульваре. Любил его запах, музыку, уходящую ввысь габунти... И особенно первые минуты, когда все меркнет и озаряется, в безумном темне играет оркестр и выплывает, тумани голову, что-то разное, резкое, золотое и черное, медь и серебро. А потом падает ночь, в музыку слышна печаль, пламуть-летят в высоком луче тени, и невозможное кажется возможным...

После воздушных гимнастов вышел на арену он с партнером. И все опять изменилось: чаша ширка наполнялась светом и смехом. Свет и смех родились почти одновременно, будто бы физически слитно, из одного источника, будто бы говоря о новых, не познанных еще закономерностях мира.

Не смеялся один человек — я и не смеялся: всматриваясь углубленно. По арене ходил большой незнакомый мужчина, тяжеловатый, в мешковатом негромком костюме, с грубовато-насмешливым лицом. Он делал что-то, судя по огульному шуму хохоту, на редкость смешное. Я не запомнил что-то впадалась в него все сосредоточенней.

Потом он вышел в чалме, с флейтой в руках. Перед ним несли корзину, из нее лихико выглядывала бутфорская кобра; он ее ухрющала. Та, женственно извиваясь, будто засыпала под монотонное пение флейты. «Заканчиватель скромно торжествовал победу и уже черемно расклевывался, чуть улыбался. Но кобра, точно живая, взвивалась молнией, обнажая большие зубы, и «заканчиватель», забыв о флейте, мрачно показывал ей уныватый кулак. В этот миг сквозил опни и грим я увидела, ушла в нем мальчишка с лукашкой на губах.

Через три часа а вошла к нему в артистическую уборную. Он уже переоделся, и странно было видеть его в обычном костюме — без клоунских ботинок и мешковатого пальто: удивляла юношеская худоба, резкость очертаний. Лицо (я увидела его без грима) было утомлено, и нахмурено, и почти неприязненно.

— Хотите писать? Надо ли? И о чем? Ну что ж! Пойдем по Москве... Мы вышли на бульвар. Падаяли листья. Было сентябрьски пустынно. Вверху серебрилась, туманилась река.

— Этот язык жестов, точный, шепотный, застенчивый, напоминал мне то, о чем неоднократно, мелкоко думал я в школе.

— Удивительно, робалом думал я! Да. Порой будто и не делалте ничего, а все смеются. Как это вам удалось?

Он помочал, посмотрел на меня без улыбки и нехотя начал:

— Нет, мы все время что-то делаем. Но только молча. А надо, чтобы вам казалось: мы говорим. Иногда это удается. Вот в Уругвае недавно в первую очередь к нам женщины. Идиллика... Влада; ристорана. И рассказывает о чем-то... Счастлива, вечно улыбается. И, естественно, ничего не понимаем. Потом директор местного цирка объяснил: она поблагодарила за то, что на арене мы говорили не по-испански, а на языке ее племени. Мы с Юрой перегагнулись: работаем молча! Потом ударило: поехали. Самое дорогое — когда слышат без слов. Особенно это умеют дети...

Мы замочили надоло. Миновали Большой театр, простеет Караа Маркса... Я шел, думал о его детстве и видал мысленно дом, сад и зимой и летом, видал отчелаво, до грешин в старых окнах, будто бы не он, Шуйдин, а я ждал до войны в этом доме и однажды утром закукал, чтобы все вокруг смеялись. Почему захотел? И вообще что такое смех?

— Последние слова я повторил вслух.

— Почитайте философов, — посоветовал он. — Или Большую Советскую Энциклопедию. На букву «с».

Я не вылезал что ответить.

Он тихо коснулся моей руки.

— Ну, вот, обиделась... Я расскажу вам о Вилли... Это река в Белоруссии. Два танка первая ее по камням в медном месте. Ночью... Мой и Данилова. Стали в засаде. И нас обнаружат. Они молчат, окружат. И мы не открываем огня: рядом наши наводят переправу через реку. Выиграем минуты. Война нервов. И вот... «Я, братцы мои, зря спорить не буду, кто важнее в театре — актер, режиссер или, может быть, театральный плотник. Факты покажут...» Не бойтесь, я не сошел с ума. Это Зоценко. Читаю по раши. Хохохот. В двух танках... Мне ведь тоже все слышно. «Пуцай не поет. Напелать на него. Пуцай одной рукой поет, а другой свет зажигает...» Стонут!.. А я после Зоценко — Чехова. И немцы точно растерялись: тише воды. Настраивал на нашу волну, рассказывал потом пламенный, и повять не могут, почему смеются. А я ослел Зоценко... И тут ударил они. Мы ответили. Наши уже переправившись... И начался бой за Сморгонь. А в Сморгонь генерал Асанов обнял меня: «Ну, уморил, дьявол!» Он не мог жить без улыбки. Он мне за смех танк подарил...

И уюкал на полчаса, уюкал в себе, плотно сомкнул губы. Даже оствновился, чтобы надежнее молчать. Мы были на Каменном мосту, на самой его середине.

При упоминании о подарке генерала во мне оживало то, что и самаа раньше о моем собеседнике. И опять подумало о доме его детства, потому что все началось в нем.

— Дом стоял в ста шагах от цементного завода. Серая пыль лежала на амьстях деревьев и на платках матерей. Она была даже на хлебе и взяла во рту.

Он был на самой окраине, отделен от мира железной дорогой, заводом и оврагами. Мальчишки гордились этой обособленностью.

Но однажды у них оказалась гитара: кто-то забыл ее во дворе. Может быть, нарочной! Наверное, это был Гариковский. Добрый певец детей: тогда ребята по очереди неумало перебирали струны, пока у одного они не зазвучали трогательно и стройно... И вот в их жизнь вошла великая волшебница — музыка... Потом Гариковский позвал мальчиков и подарил контрабас, трубу, мандолину и целое сокровище — маленький аккордеон.

Мальчишки играли, сервизово, как мамои. А ты с вывертом, с фокусом, состричь рожу — ребята падают на пол. А потом самому стрипти... Или идешь на руках с важным видом. И уже не можешь жить без того, чтобы не смеялись вокруг.

Позвал тебя Гариковский и посадал играть на удурных инструментах в джазе Дома пионеров, лучшим в городе. А ты потанца за собой товарищей. И солнце вашей мальчишеской славы возшло высоко. Но один человек ревновала тебя к ней...

Как и у всех девчонок в поселке, на волосах ее лежала легкая пыль. Она пела, ходила в Дом пионеров и тоже выступала в концертах. А тебя

На фотографии военных лет — молодой лейтенант Михаил Шуйдин со своим флотским другом.

— А с вами можно молчать... — Он коснулся моей руки. — Ничего... — Что ж... — отвечает я.

Мне было интересно молчать с этим человеком. Я узнала о нем почти все, пока он странствовал по земному шару, я чувствовала сейчас то же, что, видимо, ощущал бы и если бы рядом со мной очутился живой герой любой повести. Можно и помолчать, завою пережидать события.

...В начале сорок третьего Асанов дал ему отпуск на два дня. Ташкентская часть стояла за Тулею. Он поехал домой. Вечером шел снег, было холодно. Он вышел прогуляться. Услышал: «Миша, Миша!» И увидел белоглазую девушку с радостным, красивым лицом. Это была она, чей смех он в детстве хотел услышать. Долог гулял. Он ей рассказывал о себе, «Верить ли Асанов мне так подарил» «Разве это дарят?» — удивилась она. «Что ты поймал, новые таланты получал опытные, заслуженные офицеры. А я необстрелянный, из учеников». «Да, что же подарил?» «А в первый же вечер выступил на концерте в нашей части. С Чеховым. Генерал услышал и подарил». «А что ты читал?» И тогда он отпущил полушагубка, они шли в заснеженную степь, скамью, и он стал читать «Хирургию». Девушка смеялась до слез. Это было как объяснение в любви...

— Теперь вы смеетесь... — сказал он мне. — Это уже мистика. Двое стоят на мосту молчат, и одно начинает смеяться. Я рассказываю вам об Асанове. Это была удивительная человек. Он ходил в темных аттаки на «милдесе». Помните? Это то же, что жили белоглазым с мезом в руду рудейер, закованных в алты. Надо чувствовать, что ты бескомпромисс. Как бог. Он подарил мне танк и говорил, что после войны смеха в жизни будет больше, чем солнца. Его убили в Литве, у самой Германии. Меня же не было в части. Я лежал в госпитале, обстреливал, как голубка, слепой...

Он широко посмотрел вокруг: на огни города, осенние сады, темную воду.

— Вы скажете о новой науке — бионике? Она хочет узнать, почему птицы никогда не ошибаются в выборе пути. Летят, летят и долетают. Без компаса и карты. Это действительно чудно. Птичка облетела континент. Но сам я никогда не пойму, что было со мной. Помню одно: осеннюю. Очутился в саббате, в бингах. Но между моим сожженным танком и внешней частью было пять тысяч метров. Русь, поле, холмы. И я был один, один. Может быть, добрался в безмолвности, на оупу? По танковому следу? Но ведь не только лицо — руки обгорели. Но было нечто? Меня лечили. Я стал видеть. Увидел себя. И вождала, что вижу. Писем не писал. Хотел, чтобы думали: убит. Потом помоло осенний вечер, стою у афинской стамбы, горбась, ругаю в кармане пишмал, форма еще была эмпирическим. Может быть, руки в кармане, «Как спите, лейтенант? Обсуждаю: полковник, старей, густобровый, с усамй. Поднял я голову, а он застонал, отвернулся, начал посматривать и запылкал. И махнул рукой. Ушел... Ну, думаю, таксист, ищешь твоей посаженной жизни. Что-то в ней будет... Ну, пошла, пошла.

Медленно, молча сошла мы с Каменного моста.

Одна из шведских жидов писала о нем и талантливых его партнеров, Юри Бенкудане и Анатолии Кешине:

«В чем тайна их талантов? Они работают в ювкам, нетрадиционным стилем. И это особенно полует. Наша публика в восторге. Смех не смолкает ни на минуту.»

О судьбе моего героя я узнала первый раз от учителя музыки. Н. Н. Гариновского. Если помнить, я записал его нечаянный рисунок в Полоском Доме пианеров и сейчас хочу дать небольшой отрывок той живой записки. Я ничего не меняю в нем, хотя он кажется мне теперь измученные эмоциями. Может быть, потому, что оторвать от голоса, жестов, лица музыканта? Вот этот отрывок:

«Была у нас в городе одна женщина, она никогда не умалбасы. Работала быстро, что-то делала на конвейере, а лицо мертвое, каменное... Работала она на одном заводе с Мишиной женой. Она узнала о ней однажды, и, наверное, заявила ему в душу мысль об этом каменном, мертвом лице. И он говорит жене: хоту, чтобы она рассказывала. Жена отвечает: ты не sabesчто и, наверное, тебе нехорошо. Она все потеряла во время войны, ей будет не смешно, а больно. Но это же боль, рождение, отвечает он. Боль рождения... Она нужна человеку.»

А жила она тогда бедно, доре детей. Он только что оканчива студию Караваева. Не от купца самые дорогие билеты — по двенадцати рублей. Жена удивала ее, ту, с каменным лицом, и она поехала. Может быть, любопытства ради — нужна подарки посмотреть... Сидит она, играет вольная музыка, гимнасты летают под куполом, а она алге голыни не подвешивалась в музее пустую комнату. Потом вышла Миша. Был и особенное ударе. Она смотрела удивленно, потом расстроено. Он работал как никогда. И вот она улыбнулась. И вот она смеялась... Я там не был в тот вечер, но, понимаете, вижу, вижу это лицо. Нет, вижу — но то слово.

И слышу это разбуженное лицо, как слышала бы музыку. Ну, Скрибин, Чайковский, Бахоткин и Зюковская, траур, отпадение. И вот личиает флейта. И скрипки, скрипки. Об этом мне рассказывала его жена. Жена... Это тоже часть истории. Они познакомились в детстве, в доме, да во всем лежала немаятайна. Оба выступали у нас в концертах. Бражничать поедется. А потом в войну... Наверно и запомнил Михаилу Исаковичу Шуйдину о женщине с разбуженным лицом. «А!» — отвечает он. — В тот вечер Буше сказала нам спасибо.

Александр Борисович Буше — старейший инспектор мажора. Он работал с Дуровым, Лазаревым, Караваевым. Реже говорил он спасибо артистам, походящим под алоподметные арены. И вот, кому почитался, начал услышать его спасибо, цена это, как высшую похвалу. В тот вечер он в первый раз удостоился М. И. Шуйдин.

Можно было бы написать: в тот вечер родился артист. Я думаю иначе: восторжествовал человек. Но и это не та формула. Наверное, можно найти иную, менее торжественную и более точную. Ну, хотя бы честное отношение к жизни. Сердце за сердце...

Еще можно назвать это крутовой поручкой добра: Гариновский — Асанов — Шуйдин — женщина, которая все потеряла...

Албабо беседовал с Шуйдиным об философских смехах, если можно называть беседой три минуты молчания и одну — разговор.

— Смех... говорит он... это освобождение. Но не забвение, а память. И обещание...

Вчера я опит был в цирке, видел его. Я думал. И смеялся... А сейчас оживо, они сейчас почти неразличимы под гримом. Особенно с галерки, где дети визжат от восторга.

Алексей НЕДОГОНОВ

Письмо комсомольца к матери

(Из фронтовой записки)

...Давно перешел. На пути остановил. И я маршдом неконеч-танк явил. Сегодня принул — и стало неслучно: Давенно, родная, тебе не писал.

Ну, что о себе? Нахожусь в лагах. Теперь уж не тот я, как раньше, постерл. Давно в комсомоле. Никуда залгнул. Помыслив в званью. Чуть-чуть постарел.

Мы славно живем. Как положено, служим. Частенно свою вспоминаем страну. С врагами воюем. С оружием дружим. Мы с ним начинали и кончим войну.

Мы с ним прощались — ни много, ни мало — От Волги-реки до Моравы-реки. И вот я хочу, чтобы ты понимала. Что мне лицемерить о том не с руки.

Мы с ним неразлучны, как в скитант руки... И здесь я воюю, под гуд батарей, За вас, сединой убежденных в разлуке И горе любознанию, своих матерей.

Эх, если б видела ты, милая мама, Какие у нас, матерей, символы! Ну, это не дети, не парни, а право Мужчины вполне, дорога моя!

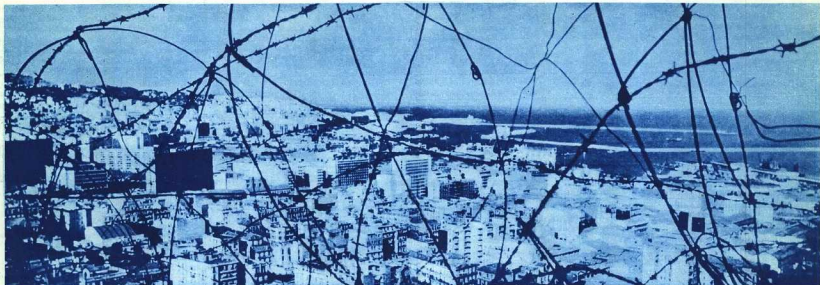
Горююсь я родной, как светится врагам, Когда доживем мы до светлого дня... И любере произдет комсомольские племля! (Прости за высокую фразу меня.)

Я вот бы ниче. Но нет, не годится... Да разве не счастлив о счастье бедер. Когда у солдатского герба танитесь Простой, но родной комсомольской билет!

Приеду — увидишь. Вот смейнешь тогда ты. Конечно, я не мог бы писать до утра! Уже подминаются наши солдаты. Прощай, дорогая. До встреч. Пора.

— Дня, ветер. Погода в горах с настроением: Все дни над Моравой дожди и дожди. Но ты без слезы, а материнским терпеньем: Это наша желанная весточку жди.

А смехи плечид приходят с опозданием, Поверь мне — являюсь дичайшою судьбой. — Во всея виноваты дожди с расстоянием — Величине грешинны связи с тобой!

В. БУХАРКОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

Подвиг. Мне так и не удалось услышать, как произносят это слово сами алжирцы. Я даже не знаю, есть ли оно в арабском языке. Во всяком случае, из один из моих собеседников, будучи в Боне или Тизи-Узу, не воспользовался им, вспоминая недавнее прошлое своей страны и рассказывая о своем участии в уничтожении этого прошлого. Между тем каждый шаг в Алжире заставляет мысленно вернуться к временам героической борьбы за национальное освобождение и к подвигам, совершенным в этой борьбе.

Я видел виллу «Сезанн», превращенную осоздани, приблизившись к колоду в теньютот сиду, попроси мена заглянуть вна. Когда мена в дню выхлуду хладной сырости, он сказа: «Они это дедали так: поднимали мена на ноги и медленно опускали в воду. Когда, захлебнувшись, и торел сознание, они вытаскивали мена вверх, и, отгнав, опускали снова. И так несколько дней».

Я сидел в кинотеатре с двумя молодыми алжирцами, и один из них, незаметно кинул на

другого, тихо сказав: «Ты знаешь, ведь именно здесь он застрелял полковника французской мадлагерии».

Прошло мостонно напоминает о себе в Алжире. И не только на скамьях еще пылающих крени на стенах убитых вилд. Очень много неказанных ран на теле самой страны. Миллион погибших в сражениях, полтора миллиона вдов и сирот, около миллиона безработных, выжженных на строя промышленности, заминированные или заброшенные плодородные поля — таков счет, который Алжир предъявляет колониализму. Удирал из ограбленной ии страны, французские колонисты попытались разрушить все, что еще не было разрушено. Физический ущерб они меттали дополнять ущербом моральным. Именно с этой целью была создана так называемая Служба формирования алжирской молодежи. Ее руководителю полковнику Годару удалось вытравить в молодых алжирцах чувство национальной гордости. Но две с половиной тысячи его сотрудников напрасно получали деньги. Формирование алжирской молодежи происходило на другую сторону оюнов — в бригадах Фронта национального освобождения.

Особый интерес Годар и молодежи поиятен. Алжир — исключительно молодая страна. Пятидесяти четырем процентам алжирцев еще не исполнилось двадцати одного года.

Энергично участвуя во всех мероприятиях правительства по налаживанию разрушенного хозяйства, юные алжирцы взяли «под свое крыло» четыре важнейших участка национального строительства.

Первая из первых задач, стоящих перед Алжиром, — ликвидация неграмотности, этого позорнейшего наследия колониализма. Стране нужны собственные национальные кадры инженеров, врачей, агрономов. (В 1959 году, когда развернулся национально-освободительная война, в Алжире было всего 28 инженеров-алжирцев.) Но прежде чем учиться медицине и агрологии, нужно научиться читать и писать на своем языке. Во времена французского владычества лишь один из шести алжирских детей мог ходить в школу. Но и там ему запрещали пользоваться родным языком.

Во международной кампании алжирца участвует сегодня каждый алжирец. В стране создано около трехсот центров народного образования. Вме-

Вчерашний чистильщик сапог — сегодняшний отапливатель, он полагает от революционной путевки в жизнь.

Вечами Сахара отнимала у крестьян плодородные земли. Сегодня молодежь возглавила наступление на пустыню.

Эти снимки как нельзя лучше характеризуют прошлое и настоящее Алжира. Страна за колочей проволокой. Такля он был под властью французских колонизаторов. Сегодня героический алжирский народ, страхнув с себя оковы колониализма, освобождается и от невидимых цепей экономического засилья иностранного капитала.

Молодежь Алжира празднует очередную годовщину своей революции.

На Олимпиаде в Токио спортсмены Алжира будут защищать честь своей страны. Прежде им пришлось выступать под флагом Франции. (Снимок справа внизу)

сте с детьми учатся в взрослых. В библиотеке заняты даже те алжирцы, кто учится в других странах. На каникулы они обязательно возвращаются домой и разбегаются по стране в составе бригад по ликвидации безграмотности. Молодежь — активная сила в сфере массовой культуры революции. По ее инициативе по всему Алжиру создана сеть народных кинотеатров, ставших очагами распространения новой, национальной культуры. И не случайно особой любовью пользуются здесь советские революционные фильмы, а больше всех «Путевка в жизнь» и «Броненосец Потемкин». «Это фильмы и о нас», — говорят алжирцы. — Растреп на лестнице — ведь это было у нас, в Оране, стражи оловянцы. А беспризорные, неприкаянные ребятишки, обретшие путевку в жизнь, — это ведь тоже про нас, про маленьких чистильщиков, которые встали с колен, сонными в оном из снегов некую гору своих слезинок и начали учиться. Для них созданы специальные центры профессионального обучения».

Еще одно яркое дело алжирской молодежи — десюпсажда, наступление на Сахару. На год в год пустыня отнимала у сахаря тысячи

гектаров плодородных земель. Французы это не волновало. Они забрали себе самые лучшие земли по побережью Средиземного моря. Сейчас они бежали, и эти брошенные участки тоже нужно осваивать заново. Но не менее важно и отослать землю в глубине страны. Вот почему алжирская молодежь вооружается лопатами. В один день 1 декабря 1963 года было высажено 500 тысяч деревьев.

Стратное стремление молодых алжирцев и социализму, в социалистическим методам строительства и труда особенно проявляется в деятельности молодежных бригад, работающих на добровольных стройках. Алжир строится. Строится школы, больницы, новые деревни во вновь осваиваемых районах, строятся ирригационные системы, строятся большие ялота Уэд-Фодда. Все это невозможно было бы воздвигнуть без участия добровольных молодежных бригад.

Алжирцы хорошо понимают, что победу обеспечат не призывы и революционные лозунги, а конкретный и ежедневный вклад каждого в строительство молодого Алжира. И молодежь освобожденной страны своими руками строит свою жизнь.

«И не знал Павла, что двое из них — Жигирев и Черниковоз — станут для него людьми дорогими и что в годы тяжелой болезни, оживившей его, они будут первой его опорой...» Так кончается одна из последних глав книги Николая Островского «Как закалялась сталь». Ширя Жигирев (А. А. Жигирев) и Хрисиф Черниковоз не вымышленные герои. Александр Алексеевич скончался в годы Великой Отечественной войны в осажденном Ленинграде, Хрисиф Павлович забравший и по сей день. Несмотря на преклонный возраст — ему 78 лет, — старый большевик полон сил и энергии. Он директор Дома отдыха нефтяников в городе Грозном.

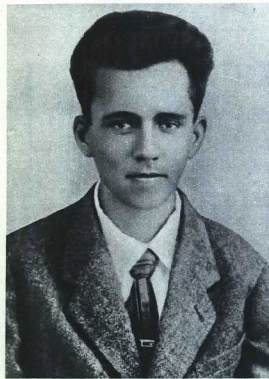
«...Черная косоворотка, старомодная кепочка, загорелое, худое, давно не бритое лицо с глубоко сидящими голубыми глазами...» — такым запечатлел Островский своего старшего товарища. Годы наложили свой отпечаток на Хрисифа Павловича, но не сомули его, не сломили волю. Черниковоз в строю. Своим замечательным трудом он и сейчас способствует в строю.

Недавно я побывал у Хрисифа Павловича и привез в Москву его живое слово о Николае Островском.

Евгений БОГДАНОВ, журналист

Х. П. ЧЕРНИКОВОЗ

Н. ОСТРОВСКИЙ. 1929 год.

г. Новороссийск.

— Скажите, сестрица, — спросил я у проходившей мимо девушки в белом халате, — кто этот хлопец? Вот там, в коляске.

Девушка взглянула по направлению моей руки, улыбнулась и сказала приветливо:

— Это наш сосед — Никола Островский. Только он вже не хлопец. И скоро придет его жинка Рая.

Так впервые увидел своего молодого друга Коля Островского, будущего замечательного писателя, а вскоре познакомился и с его женой Раян, Раисой Порфирьевной Островской, с которой я переписывался до сего дня.

Здоровье Николая, несмотря на санаторное лечение, не улучшалось. Он уехал от матери Ольги Основны относительно здоровым и мог еще тогда довольно свободно ходить, но вскоре после нашей первой встречи с ним болезнь свалила Николая в постель, парализовала левую руку.

Однажды в полдень мы сидели в нашей комнате — Николай, Рая и я. Николай осколком зеркала наводил через окно солнечный зайчик на лицо своего старого приятеля Феденя, страстно увлеченного игрой в шахматы. Феденя чувствовал, как что-то ему мешало, морщился, цурился, но от доски с фигурами не отрывался. Мы до слез хохотали над ним; я изредка поглядывал на Николая и не мог поверить, что этот зарвавшийся сноходец двадцатичетырехлетний паренек, совсем мальчишка, прошел беспощадную школу гражданской войны, школу мужества и борьбы, и навелста своим мучительным искусом. Вдруг Николай ужом, судачась его щени едва приметно побледили, он опустил руку с зеркалом.

— Баста... — сказал он своим огромным голосом. — Товарищ Островская, кто-то обещал мне свежие газеты.

Я догадался, что у Николая началось очередной страшный приступ боли, и он хочет ухватить Раису, чтобы она не заметила его страдания. Я тактично вынул из кармана папиросы, достал, а мы еще несколько минут сидели молча. Я увидел, как сквозь поблеснившие нальды его судорожно сжатого кулака проступила кровь: в залдон вылез осколок зеркала.

— Надо перевязать, Коля, — тихо сказал я. — Увидел кровь, Николай удивился и разжал руку. Он даже не ощутил пореза. Через час, обессмысленный схваткой с болью, он задремал, и так ошело вылился на кровати. Рая встретила меня в коридоре с кипой свежих газет. Она пылито взглянула мне в глаза и спросила тревожно:

— Ему было очень плохо, Хрисиф Павлович? — Да, — сказал я. — Но все очень быстро прошло, уже давно прошло, дочка.

Совместная жизнь в санатории сдружила нас. Беседы наши длились часами. Очень интересовался Островский делами старых большевиков,

нашей работой в подполье, становлением партии. Иногда сам начинал рассказывать. Он говорил о гражданской войне, о комсомоле, в который вступил четырнадцати летних лет, говорил, как всегда горячо, колтулся.

Я много читал Островскому, много беседовал с ним. Он все ловил на лету, обладал цепкой памятью и нередко поправлял меня, когда я что-нибудь путал. Николай упорно учился. Можно было позавидовать его упорству.

— Надо много знать, чертовски много надо знать, товарищ, — любил повторить Николай, — надо всегда быть в первой цепи!

Он был уверен в себе, глубоко уверен в том, что непременно вернется в первую цепь борьбы, сумеет выйти верх над физическим немощью.

— Коля, — сказал я ваг-то, — ты уже свое перед партией отработал. Тебе надо по-настоящему отдохнуть; ты от заслужива, Коля! Подумай о себе, о своем здоровье, ведь ты совсем инвалид!

Темные глаза Николая вовсе потемнели, он резко повернулся ко мне и сказал голосом, который я никогда не забуду:

— Батка! Прости тебя, никогда не называй меня так. Пока вот здесь стучит сердце, Островский еще не инвалид! — И, угасто откынувшись на подушку, он добавил с горечью: — Рано меня хоронить, батка.

Мне, старому большевику, немолдоумо уже человеку, разменившему пятый десяток, ядрт слезо стыдно перед этим мальчишкой.

Я ушел и вернулся поздно, надеясь застать Николая спящим. Но в комнате горел свет, на козлемах Островского лежало несколько свежесписанных листов. Я осторожно присел на краешек его кровати и сказал тихо:

— Коля, ты не спишь на меня.

— Что ты, батка! — рассеянно ответил Николай. Глаза его смотрели сосредоточенно и не мигая в какую-то точку над моей спиной.

Я и не подозревал тогда, что эти густо исписанные листки — первые наброски его бессмертной книги «Как закалялась сталь».

Часто Николай вспоминал о матери.

— Батка, — говорил он с тревого, — ты не пиши ей, что мне худо. Не надо ее волновать, батка. Дай честное слово.

Но я все же нарушил данное слово. Когда здоровье его ухудшилось, написал Ольге Основне все правду.

Она выехала немедленно. Я не пожелал ее приехать: неказалась путевка, да и дела мои заметно пошли на лад.

По черог год болезни снова вымела меня из строя, и я опять трюкал у Манустя. Николай до этого писал мне, что по окончании лечения остался в Сочи (так рекомендовали врачи), и просил обязательно навещать его.

Они жили в маленькой белой хатке. Мне отворила худенькая старушка. Я сразу узнал в ней мать Николая.

— Здравствуйте, Ольга Основина! — сказал я. — Я Черниковоз.

Николай узнал мой голос и закричал:

— Батя, милый! Неужели ты? Или сонда скорей!

Он лежал в синей полиэтиленовой рубашке и халщовых брюках. Еще больше осунулся и побледнел за год, но голос его был по-прежнему бодр.

— Мы крепко расцвели! — Мы крепко расцвели! —

— Знаешь, не садится еще старая гардира! — говорил он, обнимая меня слабой правой рукой.

— Не садится, Коля! Мы тоже стали! — отвечала я. — Вот подморозитургу ногу и снова в бой. Да и ты же садился, как я вижу!

— Я не сдаюсь, батя, — негромко сказал Николай, — но я тебя уже не могу увидеть. Я ослеп.

...Ны в тот душный июльский вечер 1912 года, когда полиция накрыла на моей квартире подпольную типографию и жестоко набила меня палачами, ни в тюрьме, ни в ссылке, ни под дулом белогвардейского карабина — никогда еще не было мне так тяжело, как в ту минуту, когда Николай Островский, двадцатипятилетний рабочий, боец, обреченный на полную неподвижность, поведал мне об этой новой своей беде.

Осенью 1929 года Николай и Раиса уехали в Москву. С той поры мы не виделись. Я знал о его жизни только по письмам. В 1933 году, когда имя Николая Островского уже стало всенародно известным, он прислал мне «Как завалывалась сталь» с надписью: «Милому другу батя». Даже когда Николай стал писателем с мировым именем, он не переставал переписываться со старыми товарищами. Вот одно из писем, полученное мною за год до его смерти:

г. Сочи, Ореховая, 47.

Дорогой мой Хрисанф Павлович!

Телеграф принес мне от вас весточку. Сколько лет прошло, а я не мог познать тебя, моего родного и милого батюхи.

И вот несколько ласковых слов... Как я был рад получить их!

Никогда ни я, ни моя семья не забывали тебя. Каким-то образом у нас связали нас с тобой, замечательным представителем старой гвардии большевизма.

Помнишь, родной, как ты писал в ЦК, что (Островский) еще будет полезен партии, что этот парнишка еще не угас и не угаснет? Ты так верил в мои творческие силы, как это ценно!

И вот теперь я с гордостью за твоё доверие вижу, что оправдал его.

«Если ты читаешь мою речь при вручении мне ордена Ленина», то она списана с тебя, старому большевику, одному из моих воспитателей.

Я сейчас полон творческих стремлений и желаю работать. В ближайшее время думаю поехать в Москву для изучения материалов о гражданской войне и в мае вернуться в Сочи в новый дом, который мне строит правительство.

Если ты будешь в будущем году в Сочи, то я не могу себе представить, чтобы ты не был моим гостем в первый же день приезда.

Итак, жду твоего письма, мой родной и любящий.

Привет «наме»! Крепко жму твою руку.
Твой Островский,

Таким я помню Николая Островского. И через многие годы, минуя все того горького часа, когда Островского не стало в наших рядах, с глубоким волнением и уважением склоняю я голову перед его музеем и негаснущей жгучей борбой.

Мне хочется закончить эти краткие воспоминания словами самого Николая Островского: — Никакая болезнь, никакие страдания никогда не в силах сломать большевика, вся жизнь которого была и есть борьба... Так он писал мне и так жил.

Х. ЧЕРНОКОЗОВ,
член КПСС с 1912 года

г. Грозный

¹ Известие в виду письма Х. П. Чернокозова о Николае Островском в ЦК ВКП(б) г. С. Землячки.

² Через три месяца после вручения ордена Ленина Николаю Островскому за заслуги перед Родиной и досрочное выполнение пятилетки орденом Ленина был награжден и Х. П. Чернокозов.

³ «Мамов» Николай Островский называл жену Х. П. Чернокозова — Прасковью Андреевну Чернокозову.

Сначала все узнали его песню. Ее пели географы в экспедициях, туристы у походного костра, студенты в публичных между лекциями. «Каждый дыш создаст уют, искры тлеют и засчит самца. Путь работ у костра полет чурт окривших золотом...» Слова этой песни, мужественные и задумчивые, написал студент МГУ Николай Карпов. Сейчас ему тридцать один год. Он географ, работает в Институте инженерной геологии. Коля Карпов много путешествовал. Он был в Забайкалье, в Воркуте, но один из самых любимых мест на земле, куда он не раз возвращался, осталась Хибины. Им посвящены лучшие стихотворения молодого поэта.

Рассвет в Хибинах

Мы спим с тобой под березой,
возле угасших костров.
А рассвет пронзительно розов,
и холмы, как стадо коров.

Бока их круглые, мягкие,
как молоко наливаясь,
и полные, желтые маки
сбегают по ним вниз.

Холод речной безразден:
откачаться — и беги!
Возле палатки медведи
играют твоим сапогом.

За кашу берешься ты,
и чай обжигает рот.
И чисто, без тумана,
багровое солнце встает.

Первая выюга

Первые горсти снега
нетронуты и свежи,
Косматое серое небо,
как натянута парус, дрожи.

И снасти лесные гнутся,
и чуть кренится земля,
и бешеным вихрем несутся
белые собора.

А ветер то взлет тонко,
то стлится, невнятно бубня,
И маленькой смуглой девчонкой
лето идет от меня...

Верхолазы

Мне нравится следить за верхолазами.
Они, непостоянные и легкие,
обмениваясь будничными фразами,
ступают на непрочные мостики.

Идут по ним уверенно, как птицы,
среди карнизов, где им встать, ни сесть.
И дождь идет. И гололед танет.
И бога нет. А верхолазы есть!

Северный базар

Краски северного базара
не сравнятся с полыханьем пожара.

Белко все и белесо,
как песчаные носы у леща.
Голубка сняет странно,
словно вынутая из тумана.

Ряды мясные,
Продают мед боровая,
а дары лесные,
дары бора.
Белые перья — цвет доверья,
стружка красная — цвет потеря.
Эх, тетеряча!
Эх, тетеря!

Николай КАРПОВ

Отдых в тундре

Сырость кругом, сырость.
Присядем на влажный мох.
Да будет отдых и сытость
и огля таинственный бог.

И будет ступа потрескивать
и подпрыгивать вверх смешно.
И будет тылке несен
и грустно — здесь не кино.

И не пройдет усталость,
как снова в далекую путь.
И небо, как одеяло,
закопчет пологнуть.

Возвращение из маршрута

Похолодало. Смерклось.
Идем, подтянуты и легки.
Светят наледь — огромное
зеркало,

разлетается на куски.
Воздух морозный, сиреневый.
Сильно горят синие
и белые снега.
И если стоишь, как олень,
подняв высоко рога.

А из серой холодной сумы
выглядывают вышитые пинны.
Не спускай — купи и одень,
станешь стремительным, как олень.

Только мне не нужны пинны:
далеко еще до зимы.
Я куплю себе густую бус,
кисловато-терпких на вкус.

И пойду по базару, пойду.
И тут и у всех на виду,
но никто за полку не тянет,
и тонет базар в тумане.

Приглушенные голоса.
Неназванная краса...

Я — ПАРЕНЬ СОЗНАТЕЛЬНЫЙ

Леонид ЛИХОДЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Окончание. Начало см. № 1—3.

Вообще-то мне повезло: меня цапнуло стружкой, и я получил бюллетень на два дня.

Пришел я в рабочее время, позвонил и стал ждать. Открыл мне сам Бабич. Он был худ, бледен и, как мне казалось, не узнал меня. Я покраснел, сказал «здоровье» и спросил:

— Можно к вам?

— Можно,— ответил Бабич,— только Ляля нет дома. Она на работе.

— А я к вам, Анисим Николаевич...

— Кто мне так ко мне,— безразлично проговорил Бабич,— заходи. Алеша...

Значит, узнал. Просто он такой непроницаемый человек.

Он был один в квартире. Печальный, худой, одинокий и как будто постаревший. Поможки сидел, наверно, в своей комнате и что-то вырезал из фанеры. Лобзик лежал на столе, а под столом, на полу, была расстелена газета, чтобы опилки не падали на ковер.

— Сядься,— сказал он.— Есть хочешь?

— Нет.

— Пить хочешь?

— Нет.

— А чего хочешь?

Я улыбнулся. Бабич тоже. Хороший он мужик! Не пойму чем, но он мне нравился.

— Надо бы вам другую накладку сделать,— сказал я, глядя на фанерку и лобзик.

— Есть у меня,— кивнул он головой,— только в мастерской. А мне не велели из дому выходить.

— Вы на бюллетене?

Бабич усмехнулся.

— Я уже шесть лет на бюллетене.

Мы помолчали. Бабичу было как будто все равно, зачем я пришел. Но и тут я ошибся. Он вдруг спросил:

— Что-нибудь важное?

Я удивленно посмотрел на него.

— Ты не удивляйся... Наука логика. Знаешь науку логики?

— Нет.

— Напрасно... Поясно. Пришел ты по делу чрезвычайному...

— Почему вы так думаете?

Бабич еще раз улыбнулся.

— Ну, какие у тебя могут быть дела? За Лалей ты не ухаживал, стало быть, не руки ее пришел просить...

Теперь я улыбнулся. Бабич продолжал:

— За этого Виктора ходатайствовать? Нет, не покоем. Он без адвокатов обойдется. Стало быть, дело чрезвычайное...

— Какое? Угадайте!

Бабич сделал вид, что размышляет, и даже смешился. Потом вдруг сказал:

— Рука перевязана... На работу не пошел... Бюллетень... Наверное, тебе скучно!

— Какое же это чрезвычайное дело? — спросил я.

— Скука — это даже совсем не дело!

— А в мои годы это уже дело, Алеша,— печально сказал Бабич.— Ну, выкладывай!

— Анисим Николаевич, я встретил Семку Кауана.

— Да? — спросил Бабич как-то странно, словно нехотая.— Он уже работает?

— Нет, Анисим Николаевич. Он уехал из нашего города.

— Уехал! Куда?

— Не знаю, Анисим Николаевич. Мы с ним случайно столкнулись. Ну, в общем, на прогулке.

И он мне сказал: «Алеша, запомни, я Пирата не продавал». Ну, значит, Василия Кирилловича. Мы его Пиратом называем.

Бабич подумал.

— И больше ничего не сказал?

— Больше ничего.

— Странно. А что ты сам об этом думаешь?

— Я? Я ничего не думаю. Я как-то икий разговор слышал. Как будто Сема чем-то угрожал Пирату. Ну, значит, Василию Кирилловичу. Как будто Василий Кириллович был в море двадцать пять лет, а не двадцать четвертого...

— Пустой, пустой,— сказал Бабич.— Двадцать пять лет погуб Макрушеню!

— Ну и что?

— Ничего... Это называется шантаж.

— Как шантаж?

— А так. Сема, наверно, требовал от Моргунова отступного? Деньги, наверно?

— Требовал! Сто рублей! Он сказал, что хочет жениться и ему надо сто рублей.

Бабич нахмурился. Лицо его стало каким-то страдающим. Он отодвинул ящик и взял из коробочки папиросу.

— Курить тоже не велит,— сказал он, разминая папиросу.— Ничего не велит.

Он закурил, затанул глубоко — наверно, сконфулся по иеруру — и сказал:

— Упустил Семку. Он ко мне приходил, когда вернулся. Наверно, хотел остаться у меня, пока работу найдет...

— Почему же не остался? — спросил я.

— Не оставил! — резко сказал Бабич.— Потому и не остался! Спеннулу Моргуну... Хороший он был мальчик, Сема! Тихий, нежный. Прямо жалко его было в детской дом отдавать. А надо было...

— Теперь вы породнились с Моргуновыми,— сказал я.

Бабич помолчал.

— Это — их дело.

И потом вдруг спросил:

— Колю Сбитнева знаешь?

— Конечно.
— Тоже... ухаживал за Лелей...
— Ну, а ты?
— Ну, как он там?
— Конечно... Родился...
Бабин принял папиросу и вынул ее в форточку.
Я решил, что сказал Бабину все, и собирался уходить.
— Подожди — сказал Бабин и пристально посмотрел мне в глаза: — Вот что, Алексей... Никуда Сема не уехал. Он арестован по обвинению в убийстве Маркушенина... Он в тюрьме.
— Почему? Николаевич! — крикнул я. — Так он же не убивал! Зачем ему кого-то убивать?
— А кто убивал! — спросил Бабин, печально улыбаясь.
И тогда я вздрогнул от догадки.
— Позинте! — наставил я, — он у вас просил характеристику? Для чего?
Бабин молчал.
— Анимс Николаевич! Он же торгуется рыбой! Бабин поглядывал на меня очень внимательно и сказал:
— Маргуну дважды прикрывал в бою... Он погу потерял на-зае меня! Позин! Шенк!
Я встал.
— Позин, я все понял! Вас благообразие душит, вот я и позин! А Семка сидит ни за что! Нюгу Пират потерял! А может, он после этого все чего-нибудь потерял?... Или, может быть, он вам дорог как родственник?
Я бешся как черт. Я сам не знаю, почему мне нужна злоба. Конечно, гость не обязан кричать на хозяина. Но я кричал.
— Нюгу потерял! — кричал я. — Кровной по-братим, значит Друзь, товарищ и брат! Да! «Родного друга стережет»! А Семка сидит в это самое время! Да!

И вдруг Бабин вместо того, чтобы меня выгнать, спокойно улыбаясь.

— Не хорохорись. Сядь... Сему выпустят. Он зря сидит. Кто-то на него ступил... Но ты же сам сейчас ступишь на Маргуну. Факты у тебя есть? Правдолюбее...
— Есть у него факты, Анисим Николаевич — проговорил тихий голос из соседней комнаты.
— Это был Пират. Как он вошел, черт его знает, но он вошел страшный, замученный и слабый, больно влопча со своей деришкой. Он тяжело шел и топтал вельветов папиросу. Он не обращал внимания на Бабина. Тот самый Пират, которому даже, мне кажется, нравилось соблюдать при бышем начальнике воинские приличия, выглядел странно и непонятно.
Он закрутил без разрешения, шумно выдохнул дым, и я почувствовал запах перегара. Пират вынул для храбрости. Бабин тоже закруил, и наступила мучительная тишина.

Он закруил без разрешения, шумно выдохнул дым, и я почувствовал запах перегара. Пират вынул для храбрости. Бабин тоже закруил, и наступила мучительная тишина.
— Что же ты хочешь делать, Алеша? — медленно и тихо спросил Пират, глядя в пол и выставя свою черную деришку.
Я молчал.

— Почему ты молчишь! Может быть, тебе надо сказать слово? — сказал Бабин, его губы искривились в усмешку. — Почему же тебе не пойти куда следует и не написать пару слов? Ты же, наверно, сознательный.

Ах, да, да, да, да... Перядо мной сидел человек, который лично мне ничего дурного не сделал. И даже по-своему любил меня. Он сидел, раздвигая свои горы, смеялся, сильный, героический мужик, и спрашивая у меня, почему я молчал.
А почему я молчал! Только что я кричал на Бабина и был убежден в том, о чем кричал. Но вот повисла эта дельца, и мне стало страшно. Что я должен был делать? Позвинить в милицию? Связать ему руки?

Я молчал. Пират курит, зажав папиросу, как семокурту, большим и указательным пальцами.
Наконец, он сплюнул тарю и вдруг по-пыльному шумно выдохнул дым.
— Я еще не был сухой, товарищ поповник! Я держал в себе этого Маркушенина и держал бы его всю жизнь, чтобы не портить Витьке ввиду. У меня должен был брат в порядке. Но теперь за меня сидит Семка.

— Значит, ты убил Маркушенина? — тихо спросил Бабин.

Пират не поднимал головы. Он у тебя налез ко мне в «Ильветов со своей моторик». Теперь Виктор хана... Говорил ему, дружку: усси... Учено-

му человеку плавать на все... А если ты хочешь получить свой кусок от жизни через место в президиуме, так твой брат не должен жалеть инспектора в открытом море... Я тоже понимаю в политике, товарищ поповник.

Пират уже не говорил, а слово принтал. Он даже поднял голову и вопросительно взглянул на Бабина. Бабин открыл рот, чтобы утешить его. Но Пират сказал сам себе утешить себя: — Непредумиленных убийств... И потом — сам соизнался... Улекут ненадолго! А! Без конфискации... Виктора только жалко. Порчу я ему животу...
И тогда Бабин как-то все оскостенел.

— Маргуну, — говорил он строго. И Пират не дожидаясь поднялся, ступнув деришкой о ножку стула... Маргуну, это не совсем непредумышленное убийство... Ты говоришь рыбу в запретной работе. Пират стоял перед Бабиным молодочеством. Он снова приобрел свой независимый, немного снисходительный вид. Он был трезв, как стеклышко.
— Это ведь можно доказать, товарищ поповник! — сказал Пират, глядя в лицо Бабину. — Может быть, а просто катаясь в нонюгу пору...
«Ах, жизнь, жизнь! Что же она собою представляет! Надежду! Одну надежду, и больше ничего. Надежду на справедливость, надежду на снисхождение, надежду на случай, надежду на удачу... Благородный порыв толкнул Пирата не честный шаг, но, даже сделав этот шаг, он почувствовал себя виноватым. Он не знал, куда идти, кто-то сам себе приготовил. Он пришел расхваченный, с голой, страшной правдой, творя самому себе наказание. Но уже через минуту он стал трезвым и спокойным, вынул из кармана выглаженную выглаженную и сдвинул снова сильным и уверенным.

И стук его деришки, когда он ушел, настойчивый и восторженный стук, звучал у меня в сознании — тилькажеток-няубауток: «Жизнь! Это надежда, жизнь — это надежда, жизнь — это надежда...»
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
Маяковский.
Сверг — не смет! Маяковский.

Мер старик Зотов. Так и не дождался своего юбилея. Напрасно лежали теперь в клубе большие красивые полотно с рисунками, чтобы получить наименование старейшему представителю рабочего класса в день его семидесятилетия... Напрасно стоял ninguno теперь на нужной двуметровой портрет старика, изобразившего с молодежью грузию и в черном пиджаке, в котором он никогда не ходил.

Юбилей этот ему готовили пышно. С некоторых пор эти заводы словно заеказали своим стариками. То металлургический, то машиностроительный, то судоремонтный устраивали вечера, посвященные своим старым, кадровым рабочим. Будто какое-то поверие пошло — праздновать старикам.

Коснулся это поверие и нас. Не знаю, как это делается — Зотов не был, кажется, самым старым человеком на заводе... но день рождения его приходился раньше другим, и было решено справить его юбилей.

Растерянно озираясь, директор кубы бродил по пустому, холодному зданию, наполненному до отказа именами покойного старика.

У меня так же, как и у остальных, было настроение Владислава Лукушко сидел в своей комнате и сочинял о китайских розах.

Настоящая дама сидела на подоконнике, чтобы не занимать драгоценной площади стола. Абжур не упускал в окно.

Данлипп пришел поздно, пришел бодрый, даже веселый.

— Лампу обязательно раскопашу! — сказал он Лукушко, я тебе подставку сделаю, под нее...
— А, Биубяри! — обернулся Лукушко. — Поздно что-то сегодня.

— Наше дело молодое! — подмигнув старик и похлопывая по плечу, как молодой! — Ну, как твои цветочки дышат?

— Дышат, Данлипп, — ответил Лукушко и вернулся к работе.
— Зотов еще что-то проформотал, открыл форточку и поплевал себе. Слез.

Верно утром Лукушко ушел из дому готовить стью к юбилею. Часа в три он причался к за-

водской машине за кажим-то блонкетом и увидел старика мертвым.

Тихо, спокойно умер Зотов. Умер, как жил, ничего не обравившись ни в кого, не отдававшись никому. И мне только почему, эта смерть прозвела мне, как гоздем.

Вот когда среди живых людей чудокаватый старик, сморгал с укорожной в глазах лодырь, не дождавшись бескорыстной детошности, лежал в свои дела, считая их своим личным делом. Однако аккуратный, чистенький и одним своим поведением заставлял досадливо осматриваться: все ли пуговички у тебя на месте! И вот стучит старика.

Ходил он среди живых людей, и никто не говорил о нем ни худо, ни хорошо, а говорили как-то снисходительно. Но на самом деле и уважали и почитали.

А кто он был, старик Зотов, чтобы его почитали?

Начальство? Нет, начальство оно не был. Начальство могло расстилать в путь и праг, могло лишь прогрессивски, могло даже уволить.

А Зотов этого не мог. Не расплакал он, а только отворачивался. Не лишал он прогрессивки, а только сморгал так, что каждая заработанная пенсия сама собою отходила в отдаленности, а шальная злоня была, хахально, и хотелось унять ее, чтобы не выделялась она дурацким своим законом. Но уважался с работы старик, а сморгал на тебя, и прозрачное стекло: вроде и нет тебя на свете.

Ходил старик Зотов среди живых. Изредка, раза два в год, по большим праздникам, приглашал его на молодежные собрания, самими в президиум, и слушал он длинные речи и сморгал в зал, где деловито покусывая и дождавшись художественной части или танцев, сидел мы, виновники собрания, молодые, которые вежде у нас дорога, и оказывали ему, старику, почет.

А ему почта и не надо было. Когда наступала его очередь, он по-домашнему подходил к трибуну и говорил обыкновенные слова:

— Человеку в жизни главное что? Чего бы соевств была спокойнее...
И мы помысливали про себя и веселились, аплодируя старику.

На майской демонстрации приносил старик свое серемя и раздавал по веточке каждому, а дувшам прибавлял к серемя какой-нибудь цветик, и они выталки эти цветик над ухом, в прическу. Зотов осматривал их и радовался, гордо выпячивая похлопную свою грудь в этот праздничный день.

И вот он умер.
Хорошим его днем, после смерти, в тот самый час, когда старик возвращался с завода домой. И процошный глумок трубил обыкновенно, как будто просто объявлял о конце старика.

Гроб везли на грузовике, а перед грузовиком шел бригадир ремонтников Швецов, бывший военный летчик. Был он в сапогах, в стропе залезованном мундире с дырочками на плечах и темным следом крыльев на груди. А под крыльями горела в ряд пять орденов, которые Швецов надевал для почета своего слуха.

Он шел медленно, держа в вытнутых руках красную подушку, на которой лежала одинокая медаль «За трудовое отличие». И казалось, подушка была велика для небольшой медали.
— А солнце, словно мевая истарать это несоответствие, то и дело зарогалось на маленьком кружочке серебра осветительными вспышками, как электросварка.

Ехали машины, шли люди и несли портрет старика Зотова, заказанный для его дня рождения. И он был черней lent на портрете, а украсили его самой поздней, осенней голубовато-розовой, зотовской серемянью...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Испеки мы каравая... Детская забава.

Ура спросила меня, выжус ли с Толовны? Я сказал, что не выжус.

— Яйды еси — сказала Шура, — позови к нам в гости.

— Еще чего! — буркнул я. Потом подумал и спросил: — А когда звать? Шура в ответ сказала: — Как ты успеешь?

— Какое у вас отношение? — Никак!

— Врешь.
Я не так возвращаю.
— Позови ее на мой день рождения,— сказала Шура.
Вобщем-то она будто угадала, что я соскучился по Тонке. Мы с тех пор не виделись, и это было, конечно, нехорошо. Мало ли что могло случиться, как там она живет? Шура называла Тонку Антониной. Вобщем-то она только меня звала Алешкой, как нищего студента.
— У тебя гости будут? — спросил я.
— Конечно. Мне уже двадцать лет, Алешка! Надо отметить! Как ты думаешь?
Я ничего против не имел. У нас никогда еще не собирался гости. Наверно, Шура позвонит Венитке и обязательно тоже погалину. Я уже представлял, как они будут разговаривать на довольно шумные темы. Венитка будет смотреть на нее, как на диковинку, и думать, как бы ее обнять, а говорить он при этом будет про завод и про книжки. И она будет слушать, деляя вид, но не понимая, о чем она думает. А я должен буду все это терпеть.
— Нет, позову все-таки Тоню! Для равновесия. Тем более, Шура сама пригласила.
Я дам Тонке денег на подарок. Она без подарка и не придет. Будет смотреть на меня.
Так я размышлял, наскоро заглядывая свое любимую жареную картошку и бросая проницательные взгляды на Шуру. Я на нее всегда бросаю исконно проницательные взгляды. Мне всегда хочется узнать, как она думает и какие мысли у нее появляются.
А Шура торопилась на работу, не обращая на меня никакого внимания. Вдруг она сказала, не поворачиваясь:
— Слушай, буржуй недорезанный! Не смей обижать Антонию!
Буржуй недорезанный — это я. Это мне ясно. Но в тот самый момент, когда я думал о материальной помощи Тоне, услышать такие слова было обидно.
— Ты, наверно, будешь ей совете деньги на подарок,— продолжила Шура.— Это — замглав! Стой себе и не обращай внимания.
— А я вот зачому и женюсь на ней,— выпалил я неожиданно для самого себя.
Я мстил Шуру и за Венитку и за все догадливое в тот самый момент, когда я думал о материальной помощи представлении — богиня, а я даже не получю. Не говоря уже о Тонке.
Шура повернулась ко мне и посмотрела в глаза.
— Ты можешь быть, уже женился?
Я засопел.
— Вас это не касается...
Шура улыбнулась.
— Извините, Алексей Степанович.
— Пожалуйста,— сказал я сурово и встал.— Не лезьте не в свои дела.
Я был очень строг в этот момент. Шура даже перестала улыбаться. Но в тот самый миг, когда я уже чувствовал себя человеком вполне несгибаемого характера, Шура сказала:
— Скороходку, Алексей Степанович, отнесите на кухню. Со стола можете тоже смети. Ваша квалификация от этого не пострадает. Ты, а что касается Антонины, сидишь и рассказывай. Ну, а вы любите?
Легко сказать! Представьте мужчине с несгибаемым характером, которому задучно такой вопрос.
— Опоздаешь на работу,— сказал я, тоже переходя на етшь.
— А где вы будете жить? — спросила Шура.
— Тут я вспоминаю разговор с Виткой Моргуновым.— Мне стало почему-то весело, и я заявил:
— Жить мы будем в твоей комнате. Тем более, тебе полагается однокомнатная квартира. Как дочери бывшего вора народа.
Лучше бы, конечно, я этого не говорил. Шура побледила и подошла ко мне вплотную. Она стояла совсем рядом, и над головами ее виднелся портрет Степана и Зиниды. Мертвые лица, без блеска в глазах.
— Ты сам до этого додумался? — неожиданно спокойным голосом спросила Шура.
Я опустил голову.
— А что тут такого?
— Какой же ты все-таки подлец, Алексей! — сказала Шура и отвернулась.
— Я не подлец,— проговорил я, поднимая скороходку, — я ему все равно зубы выбью... Со временем...

Шура, ничего не отвечая, пудрилась на ходу. Я не знал, что делать, и стоял со скороходкой по-

средине комнаты. И только когда Шура устояла, я осторожно спросил:
— Тоню звать?
— Конечно! Как ни в чем не бывало ответила Шура.— И не смей ее обижать, буржуй!
У меня отлегло от сердца...
Тоне я позвонил по телефону. Надо сказать, наш район попал под позвук «За полную телефонизацию», и нам установили телефон, пока не купили телефон Курдываеву, и сторожика общинника того-то долго ворчала, прежде чем позвала кого-то.
— Тоня! ты говори! — спросил меня незнакомый женский голос.
Я замолчал.
— Можю Курдываев? Это все... знакомый.
— Курдываева в больнице,— ответил голос.
Я ошараш.
— Как в больнице?
— В трубку рассмеялись.
— Будете много знать, товарищ знакомый,בודהа выростает?
— А в какой больнице? — спросил я, чтобы что-нибудь спросить.
— Вы чуяте, товарищ знакомый! — вселелись трубка.— Но вы не плачьте, пожалуйста! Она сегодня придет. Вам позвонит!
— Нечего мне звонить! — сказала я и положил трубку.
Я побоялся в общиннике. Я понимал, что опоздаю на работу, потому что буду ждать Тоню, пока не увижу. Если она не придет, я все равно разную же. Но увидеть ее мне было необходимо. И эта необходимость душила меня и жгла изнутри. «Сердце, как на сковороде», — подумал я и вспоминал, что так и не убрал со стола скороходку.
И все-таки ждать Тоню мне не пришлось. Удивительно, мне никогда не приходилось ее ждать! Стоило только вспомнить о ней, и она появлялась как из-под земли. Мы столкнулись у ворот. Тоня шла медленно, забюко кутаясь в худое пальтишко, и мне стало так жалко ее, что даже не успел обраться к ней, что вижу ее.
— Чудак! — сказала Тоня, словно мы с ней и не расстались.— Ты давно здесь?
Я молчал. Тоня смотрела на меня ласково и дружелюбно и даже старалась улыбаться.
— Погйдем в комнату,— улыблась Тоня.— Девчонки на работе. Посидим...
— Мне показалося, ей трудно стоять. Мы вошли подальше, и я, сам того не замечая, поддерживал Тоню за локоть.
Но внутри меня не пустился.
— Пропуск,— сказала сторожика. Она была толщей, очкастой, жевотой и пила чаш с блондека.
— А где брат, пропуск? — спросил я и, заметив дышан, сказал: — Ты сидишь, Тоня...
Сторожика посмотрела на меня поверх очков.
— В женское общинство идешь... Порядком не заработал? Загодю надо было заказать...
И, повернувшись к Тоне, сказала с незлой укоризной:
— А тебе все мало?
Тоня опустила глаза.
— Ты хочешь, чтобы... Можю?
Сторожика смилася.
— Ладно. Здесь сидите... А в комнату не пушту. Не пожеловано.
— Вздвоним мы с тобой, Алеша!
Сторожика хмыкнула и отодвинула блондеку.
— Небось, когда надо, и дом находится...
Я не понимал этой добродушной злобы. Ярость кипела во мне так, словно били меня по лицу, связанного, и не мог я даже зашищаться.
— Тоня,— сказал я,— ты посиди здесь... Я сейчас. Я лоуду тебе неаду... К нам поведем... Проведи... Побудежь...
— Мне завтра на работу, Алеша,— виновато сказала Тоня, но я, не ответив, выбежал за такси. Когда я вернулся, Тоня сидела все на том же месте, но в руке у нее был маленький магазинчик.
— Это Шура,— улыбнулась она.— Это я приговорила ко дню рождения... Думала через тебя передать...
Тоня, ты знаешь, когда у нее день рождения? — удивился я.
— Ты же сам сказал... Забыл... А это вот тебе... Чтобы причислялся чаще...
И она протянула мне маленькую расческу.
— Тоня, покажи,— сказал я, принимая подарок и даже забывая поблагодарить,— тебя Шура пригласила на день рождения... Правда, пригласила.
Тоня внимательно посмотрела мне в глаза.

— Я ведь все недоделала, Алеша.
— Там более,— сказал я почему-то.
Сторожика взглянула на нас через очки и спросила у Тони:
— Тоня, смилась и не отетила.
— Ладно,— сказала сторожика,— отпуская свое такси... Идите, Посидите. Пока никого нет...
Теперь она мне понравилась. Оказывалась, она была не такой уж злой.
Тоня лежала на койке и смотрела на меня. Я сидел на табуретке и то и дело причислялся новой расческой.
— Тоня,— сказал я,— может быть, тебе денег нуно!
— Чудак человек,— отетила Тоня.— Ты на работу опоздаешь. Иди, Алеша!
Тоня подошла к придешу завтра.
Тоня помолилась и вздохнула.
— Приду... Я бы послала сейчас... Дай я тебя поцелую...
Я став на колени и приложился щекой к горячей Тонин щеке.
— Иди! — сказала она.— Опоздаешь...
Потом я все-таки возвратился. Я положил перед сторожикой кулек яблок, которые купил за углом в гастрономическом магазине.
Сторожика сказала:
— Ладно. Передам.
Я встал на ноги и впервые опоздал на работу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Сладко косит в своей ранице идишский жид.
Каметса, Налопевен.

Я никогда не видел, чтобы Винтор Моргунов разговаривал с Колей Ситниевым. Они, наверно, избегали друг друга. Винтор ходил победителем во всех отношениях. Но Коля все-таки был интеллодун. Он смотрел и на Витку и на Лену, как на детей. Когда-то он писал ей письма и верил, что она его любит, или хотел верить. Он писал ей о Бабине как о великой женщине и расстался, а в Бабин настоял на том, чтобы Лену работала в не одобряемая группа, имея для этого все условия.
А Лена хотела замуж. Конечно, сразу это было невозможно, но постепенно выяснилось, что это ее женская задача.
Коля ни разу не показал виду, что ему неприятно каждый день видеть Лену. А Винтор тоже не подчеркивал, что победил Колю. Винтор даже, наоборот, делал вид, что ничего не произошло. Такой у него был характер: он даже не стремился злорадствовать.
С того дня, когда Пират признался в своем преступлении, Винтор не то чтобы стыл, а совсем даже расцвел.
— Долго мучался,— соорнулся он о брате... Конечно, сразу не скажешь о таком... Но все-таки сказал! Молодцом! Ты терпи и оставайся... Я слушал Витку с удивлением: он будто радовался. Пока велось следствие, Витка будто нарочно заводил разговор о Пирате, упирал на то, что он прямой и честный. А однажды он даже сказал, что был, мол, Моргуновым, всегда был и остается принципиальным.
— Витка,— поражался я,— он же браконьерствовал...
— А ты видел? — принципиально спрашивал Витка.— Человек в беде, а ты на него кашлеи? Друг, называется... А я-то добиваюсь, чтобы тебе разудать повиснуть...
И мне становилось почему-то стыдно. Действительно, у человека горе, а он так мучественно его переносит. Нет, Витка держался молодцом. Даже перед Колей...
— Во время разговор все-таки между ними произошло. Собственно, начался он между Винтором и мной. Но Коля случайно встал в него и как будто подавал итог.
Я спросил Витку:
— Ты, говорят, уходишь из бригады? Витка, ты смелый человек, соврал:
— Куда же я иду? — Уходишь, Витка. Все говорят. Будешь инструктором новых молодцов...
Витка улыбнулся.
— Жалеешь? — Конечно,— сказал я неопределенно,— привыкли.

— Ничего,— ответил Витка.— Есть такое мнение, чтобы тебя бригадиром. Потанешь? Я покал плечами и вдруг вспомнил старый разговор про то, что человек должен расти.

— Значит, ты уже вырос? — спросил я.

Витка снова улыбнулся.

— Есть такое мнение, что вырос... И ты вырос, Алешка. Вот бригадиром будешь.

— Это должность у меня вырастет,— мрачно сказала я.— А сам я бы так и есть.

— Должности, должность,— перерезали Виктор,— что ты заладил! Мы тебе еще и разряд поднимем. Жизнь как устроена! Все, что ли, равное? Нет. Если бы все было равным, производство страдало бы. И жизнь была бы не в жизнь. Потому что не было бы стимула расти. Помняешь? Зантересованность должна быть. Тот не солдат, кто не мечтает стать генералом.

— А ты мечтаешь? — Это только телата жи о чем не мечтают,— уклончиво ответил Виктор.

— Значит, Моргунов,— сказал он,— ты опоздал ридиться. Лет пятнадцать назад тебе бы цены не было... Ты, брат, доносов еще не писал?

— Каких доносов? — напустился Витка.

— Обыкновенных,— пояснил Коля.— Такой-то и такой-то мешают мне строить коммунизм. Уберите его к чертям собачьим, чтобы он не мозолил мне мои передовые глаза... Не писал!

Витка набылчился.

— Мне писать ни к чему. Я не писатель... А если кто-нибудь действительно попробует мешать... — Так что? — перебил Коля.

— А то,— сказал Виктор,— ты меня не трогай... Понял!

— Почему жет — спокойно спросил Коля, но Виктор вместо ответа вдруг дружелюбно улыбнулся.

— Брось, Николай... Чего нам с тобой спорить-ся! Даже неприлично...

Коля победил и спросил:

— Семка Кавун — твоя работа, жаба?

Витка отскочил от Коли как ошпаренный. Но Коля не унимался:

— Ну? Ты! Генерал!

Витка был красный как рак. Он взял себя в руки и спросил со скрытой злобой:

— Вы можете это доказать?

— Вы сами это докажете, ваше превосходительство... — насмешливо сказал Коля.— Анкету чистишь, сволочь? Семка тебе лично коммунизмом строить мешал?

— Гляди, как бы ты мне не помешал,— сказал Витка, не скрывая злобы, и, круто повернувшись, пошел по паркету.

Нет, это уже не была похodka чемпиона.

— При чем здесь Кавун! — спросил я Колю.

— Спроси у Моргунова,— усмехнулся Коля и, наклонившись к шккам, добавил: — Бабич сказал мне вчера, что этот Семка проходит свидетелем по делу Виткиного брата.

— Ты был у Бабича?

— Был... А что?

— Ну как же... Лена-то да и...

— Глупый ты, Алешка. Бабич и без Лены хороший мужик... Только угробили они его. Быт задал, понял!

— Нет, не понял,— сказал я.

— Ну и не надо,— согласился Коля, собирая кофанды.

А у Виктора я все-таки спросил:

— Ты что-нибудь писал про Семку?

Витка улыбнулся.

— Ничего я про него не писал... А ему и терять нечего. Никого нет у него. Да и сидел он за политку. Тому, кто за политку сидел, на всю жизнь хана...

Я посмотрел в чистые Виткины глаза, в ясную, как блюдце, рожу и сказал:

— Витка, ты хотел подставить Семку, чтобы выгородить Пират?

Он смотрел на меня все тем же ясным, испытывающим взглядом.

— Да ничего я не хотел, Пират — гарой, а Семка — черт знает кто... Тут и без меня всякому ясно... Да что ты ко мне пристал!.. Надо очистишь наши ряды... Ты что, несознательный?

И тогда мне стало трудно дышать. Мне стало очень трудно дышать.

— Я — парень сознательный,— прохрипел я и, сам не понимая как, изо всей силы вогнал кулак в Виткину чистую рожу.— Я — парень сознательный... — повторил я, когда мне крутили руки Коля и Кырка, а Виктор Моргунов вытирал кровь...

...Ты человек разумный,
и тебе не надо работать а раб.
И если что меня побас тревожит,
Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.

Пушкин.

Того позора в нашей семье еще не было, — сказал отец, когда я вернулся, отидав пять суток за хулиганство. — Не было.

В доме еще были заметны следы недавнего праздника. В большом кухнине стоял пышный, как облако, куст голубой сирени. «Зовутся», — подумал я, — поздня. А старика уже нету.

— Кто пришел? — спросил я отца.
— Квартирант его, — ответил он.
— Лукошко? А еще кто был?
Отец не смотрел на меня.
Шурин день рождения проскочил без меня. Я понимал, что не это главная потеря в моей жизни, но все-таки мне было обидно.

— Такого позора в семье еще не было, — повторил отец.

И тогда я сказал:
— Я уезжаю...

Отец ничего не ответил. Но по тому, как он на меня взглянул, я понял, что он не возражает. Хотя сам я выпалил про свой отъезд не думая.

Просто довели человека, или сам он себя довел до точки. Вот он и решил уйти от всего. Но, когда я заявил, что еду, уже ничего не оставалось... Я думал, что Витька сроду мне не простит драки. Но все вышло наоборот. Витька опять отнесся ко мне как к маленькому. Он солидно говорил, что подобная аморальная неувязка может произойти с каждым. Он, то есть Виктор Моргунов, ничего ко мне дурного не чувствует и понимает, что я так поступил вследствие плохой воспитательной работы. И это эту работу надо усилить, а меня притупить, несмотря на мою привычку опаздывать на работу, нечего относиться к девушкам и устраивать пьяные скандалы.

Примерно через неделю после моего возвращения Савчук вызвал меня к себе за загородку.

— Пись загляни, Алексей.

— Каюе заглянел? — удивился я.
Позачер Вентиль был у нас, пил чай с изюмовым вареньем и говорил своим родителям разные красивые слова. Отец стал привыкать к нему и, чего никогда прежде не бывало, покачался:

— Ты бы, Вениамин, поддействовал на Алешку. Вентиль покраснел от удовольствия: отец впервые назвал его по имени и не стал. Наверно, для женща первое дело — чтобы родители новости были с ним владострой. Он ничего определенного не сказал, а говорил больше, что Шурочке надо временно прекратить работу, чтобы закончить образование. Шурочка против этого не возражала, поглядывая на Вениamina весьма деловито.

А я смотрел на сирень. Она была еще жива. Многие ветви сплоснились, а цветочки пожелли. Но все-таки в ней еще была жизнь. Золот специално выращивала ее в Шурочиному дню. Двадцать огромных голубых свечей. Но прине это свечи Лукошко. Теперь он хозяйничал в саду, потому что оказался замкнувшимся насчет сада.

Никто не помнил сейчас Данильча, но я знал, что смерть его как-то натувала моего отца. Он стал вялым, и голос его осип. Таким он пришел с похорон, таким он был и сейчас.

А Шурочка подавала чай, разговаривала о том о сем и только раз вспомнила про сирень, заметив свечку с пятью лепестками.

— К чему...

Вентиль вообще-то парень неплохой. Даже больше того, Шурочку я ему прощу — это ясно. Тем более он уже мне меньше нравился. А вызвал меня, он вот что сказал:

— На новый Новогрудский комбинат требуются специалисты. Туда со всей страны собирают. Сложная продукция, понимаешь?

— Как не понять?

— Вот и прощай... Мы тоже небольшую группу хотим послать. А из токарей — тебя... Как ты смотришь на это?

— Какой жем я лучший? — удивился я. — Вы что себе сварили?

Савчук улыбнулся весело и открыто.

— Экономку надо свести выше политики. Это Ленин сказал.

— Как это — выше политики...спросил я, — разве что-нибудь бывает выше ее?

Теперь Савчук рассмеялся.

— Говора проче, работать надо...

— Хм...недовольно: посмотрел я на Савчука, — интересе, каюю характеристику вы мне дадите... Как хулигану или как прогульщику?

Савчук ничего не сказал, открыл свой маленький сейф и вынул из него листок бумаги. Это было моя характеристика. Из нее я узнал, что был сознательным молодым рабочим, хорошим токарем, самоотверженно выполнявшим любое задание, и вообще такого золотого самородка, как я, еще загла не выдала.

— А Моргунов это читал? — спросил я.

— Не только читал, но и писал, — сказал Савчук. — Ты еще услышишь, каюю речь он толкнет по поводу, когда будет вас отправлять!

— Я ж ему морду бил! — удивился я.

Савчук помыл плечами.

— Витька отхватил свой кусок и из этого факта, Кто тоба воспитал Мор-гу-нов! А про морду в Новогрудске никто не знает.

Я возразил:

— Вы-то знаете! Вы в партию его принимаете... Савчук улыбнулся.

— Подождет... И вообще, Алексей, разговаривать с тобой — одно удовольствие...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Прошу предоставить мне очередной трудовой отпуск.

Лиходеев.

М так, все было ясно. Я ехал в новое место, увоза с собой производственный опыт и всеобщее уважение со своим родном городе, где я только начал разбираться в жизни.

Я оставал маму, отца, Шурочку с ее прекрасным Вентилем, который со дня на день станет моим родственником. Я оставал Коло Сбитнева, которого уже простили в институте, и моего закадычного друга Витьку Моргунова, которого и выросшего такого героя труда, как я.

И прежде чем покинуть родной город, я решил попросить отпуск на две недели, чтобы собраться в дорогу, погулять и посмотреть вокруг. Потому что я уезжал капитально.

За Пырата хлопотали, и получил он наказание не очень тяжелое. Наверно, скоро вернется. Витька стал законным владельцем «Гогнады», хотя Пилина ламаша не очень радовалась такому простому злату. Бабич тоже не радовался, но совсем по другой причине. А жили молодожены у Моргуновых.

Сема Кавун работал на судоремонтном, слесарем. Его устроил Бабич.

И только мы с Тоней остались как были. Я пошел прощаться. Она не была тогда, на Шурочином рождении. Принесла подарок, который показывала мне, и шла. Я вспоминаю как сказал ей: идем, мол, у нас побудешь. Сместно. А кем бы она была в какой семейной должности!

Я взял Тоню за руку, и мы пошли по «нашим местам». Было холодно и неуютно. Дун ветер непонятно с какой стороны. Мы ходили около моста, похожего на Шурочкин чертеж, и я понимал, что жизнь моя начнется на вокзале, что все было только вступлением.

И Тоня понимала это тоже. Поэтому я не спрашивала, придет ли она ко мне, а она не спрашивала, буду ли я ей писать. И один только увесистый камень давил мне душу — не привез я тогда Тоню. Я ее люблю... и не сказал другим глазами: «Это Тоня. Я ее люблю».

Плохо. Потому что сдრაфил...

На этом заканчивается рассказ А. С. Плиуща. В последнее время мы стали с ним очень редко видеться, поскольку дел в Новогрудске у нас давно не было. Но из тех писем, которые мы получили, можно было понять только то, что Алексей работает бригадиром токарей, что ему некогда, что он получил квартиру, как человек с семейной перспективой, что работы невперворт и что производственный план его бригада выполняет на сто шестидесят семь процентов.

О чем мы с удовольствием сообщаем нашему читателю.

Виктор ЛЕВАШОВ

«Мы на своей земле. И у врагов помилуования не просим!»

(Ответ командиру диверсионной группы Владимира Молодцова на предложение хозяйствовать о помилуования.)

«Нас скоро расстреляют. Не озорайте, мы ко всему готовы и на смерть пойдем с поднятой головой.»

(Из записки, переданной на волю Тамарой Минягуриной.)

«Нас предан, но предати не оставили. День нашей победы обязательно придет.»

(Из последнего письма Тамары Шестяковой.)

А сти лейтенанта госбезопасности Владимира Молодцова это началось 4 июля 1941 года. Боевое задание было сформулировано коротко и четко: «Создать и возглавить группу для диверсионной и разведывательной работы в условиях оккупированной Одессы. Обеспечить регулярную связь с центром. Выбрать место дислокации штаба, наметить явочные квартиры, разработать систему связи. При создании группы использовать работников Одесского областного управления НКВД, обладающих профессиональными навыками разведывательной работы, и надежных людей из числа местного населения...»

ПОД ПОКОЕМ

Маяским пасмурным утром 1942 год по коридорам тыла румынской разведки загрохотали кованые сапоги, зареяла щеками.

— Едва! Едва! Выходите!..

Заползая торопливым двор. Вдоль стен — автоматчики. Жесткие поводки едва сдерживают свирепых нос. Несколько десятков измощенных людей смотрят в угол двора, где стояли трупы.

Прозвучала лаяющая команда.

Появлялся стрелятельный пеголоватый офицер. Шумный ветер рвал из его рук лист бумаги.

— Именем его величества короля Митэа... За преступные действия... Решением военно-полевого суда... Приговариваются к расстрелу!..

В наступившей тишине сухо шелкала затвор слесяки тюремного фотоаппарата. Так появился этот снимок.

Вглядясь в эти лица, товарищи Запоныни эти имена: Тамара Мижигурская, Владимир Молодцов, Тамара Шестакова. Ни одному из них не было тогда и тридцати лет. Они умерли за тебя.

4 июля транспортный самолет, слетающий спешнейшим Москва — Одесса, принял на борт внахле медленного молодого человека в штатском, остро посматривающего из-под черных туфель гостей. Спусти несколько часов в Одессе сидел слесарем-сантехником стало больше. Как и подобает любому слесарю, молодой человек целыми днями ходил по домам, ремонтировал краны и лопушастые трубы, а по вечерам лежал на узенькой койке лицом вверх и, заложив руки под голову, обдумывал свой очередной маршрут. Румынская разведка дорого заплатила бы за планы его ежедневных походов, но ей так никогда и не удалось узнать это.

16 ноября 1941 года в опустевшую, затихнувшую Одессу вошли румынские и немецкие части. В тот вечер соседи не увидели своего сдержанного постояльца, а одна из московских радиостанций приняла шифрованную радиограмму: «Подготовительную работу закончил. Место дислокации — штаб — каткомбы. В составе группы два диверсионных отряда. Связные — Мижигурская, Шестакова — работницы Одесского управления НКВД. Перехожу к активной деятельности. Петя».

Петр Александрович Бадаев — таково было новое имя советского чекиста Владимира Молодцова.

Некоторые враги спустя при походе к Одессе на большой скорости состав под откос тяжелого состава с боеприпасами и румынскими солдатами — пополнением частей, истребленных в боях за город. Петр

приступил к активным действиям. ...С тех пор прошло более двадцати лет. Снимок, который вы здесь видите, был обнаружен в архивах сигуранцы.

Взгляните на него. Этим людям только что объявили смертный приговор военно-полевого суда. Впервые за много месяцев увидели они небо родной Одессы и знакомые лица товарищей по борьбе, для устранения которых и была затеяна эта комедия с объявлением приговора.

Спокойна Тамара Мижигурская, бесстрашная связанная диверсионной группы. Спокоен и рашителен Владимир Молодцов, с которого в это утро впервые после ареста сняли наручники, чтобы, надев пальто, тут же зашвырнуть их снова. Подбавляет улыбки знакомых друзей, узников сигуранцы, Тамара Шестакова (на снимке справа).

Они знают: вперед смерть. Они знают: вперед жизнь, за которую они отдадут свои жизни.

Всего несколько месяцев действовала в оккупированной Одессе группа Владимира Молодцова. На ее боевом счету несколько швыделов с боеприпасами и живой силой противника, пущенных под откос. На ее боевом счету несколько сотен уничтоженных оккупентов, десятки дерзких диверсий, казни изменников, похищения документов у врага.

На боевом счету еще — десятки, сотни, тысячи одеситов, привлеченных к активной борьбе с захватчиками. Ведь именно они, одними из

первых подавали в такое трудное время изумительный пример мужества и непримиримости. Ведь каждый взрыв, каждый пущенный под откос состав, каждая казнь предателя укрепляли веру одеситов в возможность и необходимость борьбы. Эта незримая эстафета мужества проходила через сердца, ее принимали вместе с присягой и личным оружием все новые и новые члены подпольных групп.

Советское правительство высоко оценило их подвиг. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года Владимиру Александровичу Молодцову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Тамара Ульяновна Мижигурская и Тамара Алексеевна Шестакова посмертно награждены орденом Отечественной войны I степени.

К сожалению, наши сведения о группе Владимира Молодцова далеко не полны. Известно, что в ночь с 8 на 9 февраля 1942 года Молодцов и его связная Мижигурская, выданные предателями, были арестованы на явочной квартире. Спустя несколько дней недалеко от этой квартиры была схвачена и Тамара Шестакова. В июле 1942 года после безуспешных попыток выведать сведения об одесском подполье оккупанты расстреляли всех троих, не зная даже настоящих имен героев.

Известно, что кроме двух партизанских отрядов, связанных с Молодцовым, действовали в Одессе диверсионные группы, одну из которых возглавлял шестидесятилетний одесит, бесстрашный комсомолец Яша

Гордиенко. По заданиям Молодцова они добывали сведения о дислокации вражеских соединений, устраивали диверсии, приводили в исполнение приговоры изменникам Родины. Да, солдаты не рождаются. Солдатами становятся в трудный для Родины час. И они были прекрасными солдатами, эти отважные мальчишки-подпольщики.

«Что уживайте, все равно наша возьмет. Придет время — расчитаемся со всеми гадами», — писал родным Яша незадолго перед расстрелом (он был арестован в феврале 1942 года) — «Уму как патрону и сын своей Родины!».

Он сдержал свое слово. Перед поднимающимися стенами автоматов Яша пел: «Смело, товарищи, в ногу!».

Известно, что после ареста Молодцова его боевые друзья продолжали борьбу.

Но многого мы еще не знаем. Не дошли до нас имена соратников советского чекиста Молодцова, друзей Яши Гордиенко по «Молодежной диверсионной организации». Живы ли они сейчас? Погибли ли, защищая Отчизну?

Я не заканчиваю этот очерк. Я прерываю его. Уверен: придут и нам в редакцию письма людей, знавших Владимира Молодцова и его боевых товарищей, помогут восстановить в деталях события давних дней. Уверен: пополнятся и расширятся этот короткий рассказ о бесстрашных людях, потому что народ всегда хранит память о своих героях.

Совсем недавно Владимир Пригласов демонстрировал модель самолета «АН-10» принадлежавшую ему в прошлом году звание чемпиона страны по авиамобильному спорту. К спартакиаде он готовит новый скорняк.

НА ЗЕМЛЕ, В ВОЗДУХЕ И НА ВОДЕ

В 114 международных матчах, первенствах и встречах выступили в 1963 году спортсмены — представители технических видов спорта. Один только авиатор установил 59 всеобщих рекордов, из которых 33 превзошли мировые достижения.

1964 год — олимпийский год. Заключившаяся недавно зимняя Олимпиада в Инсбруке, приближающиеся соревнования в Токио привлекали и себя внимание всего спортивного мира. Пока что в программе олимпиад нет так называемых технических видов спорта, но это не значит, что приверженцы авиации, авто- и мотогоно, радости, красивые многоборья и моделисты остались в стороне от кипучей спортивной жизни.

С января 1964 года до конца 1965-го проводится III Всесоюзная спартакиада по техническим видам спорта. Два года будут длиться эти увлекательные соревнования, в которых примут участие миллионы юношей и девушек. Эти виды спорта не только укрепляют мышцы, но и помогают расширить кругозор, готовят хорошее пополнение в ряды армии и флота.

Главный девиз спартакиады — массовость. Участником может стать любой, независимо от спортивного стажа. Чем больше новобранцев будет участвовать в соревнованиях, тем лучше для коллективов, борющихся за призовые места. Новичкам не придется долго ждать своего часа: ведь надежда первична организации ДОСААФ за два

года должна провести 10—12 всесоюзных не менее чем по двум-трем видам технического спорта, причем выбрать можно любые из 27 видов, входящих в зачет спартакиады.

Первенство будет присуждаться тем коллективам и организациям, которые не только выступят на финальных соревнованиях сильнейшие команды, но и будут первыми по количеству участников и подготовке спортсменов-разрядников.

На финальном этапе спартакиады непременно проведут 27 сложных и увлекательных соревнований. Мотоциклисты выступят в шоссейно-кольцевых гонках, в состязаниях на гравей и ледяной дорожке, на ипподроме и в многоборье; автомобилисты будут участвовать в ралли, джееборье,

СТ. АСЛЕЗОВ

ВОЗДУХ, РАДИО И ЛЕС!

Анатолий Гремзин на «охоте»

Немного истории

«Охота на лис». Эти слова, взятые в кавычки, все чаще и чаще появляются на страницах газет, журналов, звучат по радио. У некоторых они до сих пор вызывают недоумение. Иногда доходит даже до курьезов. Федерация радиоспорта СССР направила письмо в Целиноград с просьбой провести соревнования по «охоте на лис». «Охота на лис» в нашей области закреплена законом — ответили оттуда. Во Владимире, где состоялся последний всесоюзный чемпионат, один из зрителей обратился и судьям: — Пальора часа вы! Когда же вы лис начнете выпускать? Там что же это такое — «охота на лис»?

В 1936 году в Иалфрининг несколько радиоприемной затвора игру. Одного из своих товарищей они попросили спартачить вместе с передатчиком и время от времени посылать сигналы в эфир. Остальные, вооружившись приемниками, стали искать его, телеграф радиоволны. Но радиоприемитель так хорошо замаскировался, что на поиск пришлось затратить более четырех часов. Невольно пришлось сравнения с лисой — хитрым зверем, умеющим долго заветать тайны.

В 1946 году «охотники на лис» появились в Дании, Норвегии, Швеции, Чехословакии, Польше, Югославии и других европейских странах. Здесь, собственно, и были впервые разработаны правила соревнований.

На 9-километровой трассе причудливых ультракоротковолновых передатчиков. Четыре минуты радиостанция молчит, а в течение пяти минут ведет передачу в эфир. И так по очереди. «Охотники» должны принять сигналы и определить направление, откуда они приходят с наибольшей точностью. Победителю, кто за минимальное время найдет свое «лиса», так безобидная игра превратилась в увлекательный вид спорта.

Достоинные преемники

Инициаторами «охоты на лис» в Советском Союзе стали украинские радиоспортсмены. В 1957 году они развели республиканское первенство. А уже в следующем году на станции Плавенская, под Москвой, состоялись первые всесоюзные соревнования, в которых участвовали тридцать спортсменов.

Но недавнего времени существовало не менее равнодушие, должен обладать светлой головой и умелым руками. Ведь он предусматривает различные схемы, монтирует их, работает на радиостанции. Крепкие мускулы ему, мой, вовсе не обязательны.

Но вот появилась «охота на лис», и сразу стало ясно: одного знания техники мало. В программу подготовки «охотников» были включены легкая атлетика, гимнастика, лыжи.

В европейских странах поиски «лисы» вели в основном только на 80-метро-

вом диапазоне, а у нас стали «охотиться» сразу на трех диапазонах: двух-, десяти- и восьмидециметровый, — причем победителя определялся по результатам многоборья. Трассы поиска удлинились почти в два раза. Еще одно отличие в Европе «охота» — спорт мужчин; у нас же ею занимаются и девушки. Правда, состязаются они на сокращенной дистанции.

Слова о советских «охотниках» быстро распространились по Европе. В 1961 году наших спортсменов пригласили в местечко Бревин, под Стокгольмом, на первый официальный чемпионат континента.

Удачный дебют

И наши ребята, физические крепкие, хорошо натренированные, кое-кто из зарубежных специалистов отнеслись скептически. Они решили, что русские хотят выиграть с помощью легкотелов, которых научили обращаться с радиоаппаратурой. Советских спортсменов стали доминировать на соревнованиях вопреки по радиотехнике. Но оказалось, что некоторые англоязычные знают куда меньше аспиранта Горьковского политехнического института радионженера Анатолия Гремзина и шопера Александра Димкова.

Дебют оказался удачным. Александр Аников завоевал золотую медаль в

гонках на картингах; не останусь без дела летчик, планерист, парашютист, стрелки, подводники, морские антоболеры, и др. Инициатива ЦК ВЛКСМ в своем постановлении «Об участии комсомольских организаций в подготовке и проведении III Всесоюзной спартакиады по техническим видам спорта» отменяет, что спартакиада создает широкие возможности для овладения юношами и девушками техническими знаниями и навыками, умением управлять автомобилем, мотоциклом, самолетом, катером, для поощрения их своего спортивного мастерства. «Считать важнейшей задачей комсомольских организаций,— указывается в постановлении,— создание силами молодежи простейших спортивных сооружений, мо-

тодромов, гаражных дорожек, кроссовых дистанций, кортов, летних плавательных бассейнов, стрелковых тиров, планерных площадок. Добиться максимального использования имеющихся технических и спортивных баз».

Дружная совместная работа организаций ДОСААФ и комсомола всегда приносит хорошие результаты. Об этом говорят первые старты спартакиады, посвященные 46-го годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота. Впереди множество больших и интересных дел.

Л. ЧИСТЫЙ,
ответственный секретарь Юр. федераций
технических видов спорта ЦК ДОСААФ

поиске на двухметровом диапазоне и стал первым чемпионом Европы. Такого же титула была удостоена и вся советская команда. Швед Гуннар Свенсон оказался сильнейшим на восьми-десиметровом диапазоне.

Следующий чемпионат континента проводился в 1964 году в югославском городе Ангаране. И снова советские радиоспорсмены оказались на высоте. А грекчидой добился победы сразу на двух диапазонах. Наши ребята уехали с собой все золотые, серебряные и бронзовые медали. Победой была похвалена. Очевидно, югословы не посправились. В шведском радиолобительском журнале появилась статья Альфа Линдгрена. Он писал, что советские спортсмены выиграли первенство за счет той же физической подготовки, а не с помощью районорапаратуры, умения пеленговать, ориентироваться на местности. Короче говоря, победу наших ребят пытались взять под сомнение.

Помните, почему такие высказывания появились именно в шведском журнале. Ведь Гуннар Свенсон на этот раз оказался всего лишь на десятом месте, а его команда не вошла даже в призовую тройку. Экспрессивной, уязвимой с современными знаниями, что на следующем первенстве он вернет себе звание сильнейшего в Европе. Следующим летом Федерация радиоспорта СССР вступила в Международную Союз радиолобителей (ИАРУ). Сессия ИАРУ поручила Советскому Союзу провести чемпионат Европы 1963 году по охоте на диск. Местом чемпионата выбрали Вильнюс.

Десять секунд Дины Журавлевой

В августе прошлого года во Владимире проводился пятый первенство СССР. Свои нововведения в Европе, Ленинград, все сезоны республиканские более 80 участников, в том числе 6 мастеров спорта, боролись за золотые медали чемпионов. Ветераны

вспомнили, как шесть лет назад на Планерной судьи раздалось, когда Журавлевой из тридцати участников только шло все «лиси».

— Теперь? Запылавшая, девушка прибежала на финиш.

— Ответьте мой талон.

— Бесплавно. Но не уклонились в контрольное время,— ответил ей судья.

Три-четыре часа затрачивали приезде «охотники» на поиски. Теперь иначе не уклонились в контрольные 2 часа 30 минут — сходы с дистанции. Сильнейшие же финишируют через 60—80 минут. И если разница между результатами призеров нередко составляла 12—30 минут, то теперь она исчислялась секундами. В недалеком будущем, наверное, будут учитываться и доли секунды.

На трассе шла упорная борьба. По времени, показанному в трех забегах, звание чемпиона СССР и золотую медаль завоевал нашинер геофизической экспедиции из Ашхабада мастер спорта Вильям Фролов. Вторым был уже знакомый нам А. Грекчидой, третьим — ленинградец Г. Руничев.

Много претендентов на звание чемпиона страны оказалось у женщин. В первом забеге лучше время показала ленинградка Дина Журавлева. Ей пришлось. Но вот как-то сложилось на десиметровом диапазоне. Первая на финиш пробегает молодая спортсменка из Казахстана Тания Анисенко. Следом за ней — ашхабадская «охотница» Вера Мадина. Ленинградцы возмущены: где Дина! Ведь до конца контрольного срока осталось всего полторы минуты. Нанеми вдали показалась знакомая фигура.

— Через полторы минуты ты потеряешь все! — крикнул Дине товарищ.

До финиша — более 50 метров. А под ноги трудная латинскоплатовая трасса, пропеланная по основному лесу, кустарничкам, болотам.

— Когда судьи остановили хронометр, Журавлевой в алтасе оставалось еще десять секунд.

Финишный рынок принес спорт-

сменное серебряную медаль. А золотую присудили лаборатории Ашхабадского стройматериала Вера Мадина, воспитаннице Вильяма Фролова. Бронзовым призером стала 18-летняя санитарка из Ивано-Франковской области Блеса Данилюк.

Сильнейшим спортсменом были включены в сборную команду Советского Союза. Им предстояло выступать в Вильнюсе...

Триумф в Вильнюсе

Это был самый представительный чемпионат Европы. В столице Литвы собралась команда Австрии, Болгарии, ГДР, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Швеции и СССР.

В каждой стране этот вид спорта имеет свои особенности. Так, в ГДР трасса разбивается на три участка: прощ на три километра, стрельба по мишеням из малокалиберной винтовки и лоток поис «лиси». А в Швеции соревнования по охоте на диск проводятся даже в ночное время. «Охотникам» Чехословакию большую помощь оказывал широко известный бегун Зинка Затопка. Его советы, как бежать на длинные дистанции, как ориентироваться, оказывали большую помощь, оказались весьма полезными. Привезли с собой чехословацкие спортсмены и новую технику: они сконструировали приемыши на микропульсметр, очень экономичные, обладающие высокой направленностью. Команда была очень сильными. Какое-то количество до конца борются за победу.

Чемпионат закончился триумфальной победой советских спортсменок. Единственным зарубежным призером чемпионата оказалась чехословацкая студентка Брже Маргушев. Вице-президент Международной Федерации радиоспорта родного юности чемпионата швед Пер Андерсен Кинниндам вынужден был признать, что советские «охотники» на диск превосходят своих сильнейших в Европе.

Первым на чемпионате Европы со-

ветские «охотники» использовали радиодиагностику. Правда, один из членов жюри выступил против применения этой новинки. Но его не поддержали. Руководитель чехословацкой делегации Провал Навротни заявил, что радиопомощь — это русский спутник в охоте на диск.

Шведские спортсмены были вынуждены довольствоваться седьмым местом в командном зачете. Гуннар Свенсон не сдержал своего обещания вернуть звание чемпиона Европы. Его результат был двадцать пятим. Не могли лучше выступить и автор упоминавшейся статьи о советских «охотниках» Альф Линдгрин: он занял лишь девятнадцатое место.

Давайте поменяем

Несомненно, «охота на диск» принадлежит больше будущему. Она не только воспитывает у молодежи выносливость, силу, смелость, смекалку, но и подробно знакомит с важной отраслью современной техники. Для popularизации этого интереснейшего вида спорта не мешало бы проводить состязания «охотников» на больших стадионах перед началом футбольных матчей.

Большим стимулом для дальнейшего развития «охота на диск» является III Всесоюзная спартакиада по техническим видам спорта. В ее программе включены соревнования по всем видам радиоспорта, в том числе и по «охоте на диск». В семье охотников сейчас насчитывается 19 мастеров спорта, сотни паравозлюбителей. Соревнования спартакиады, несомненно, выведут молодых талантливых спортсменов — претендентов в состав сборной команды СССР, которая в 1965 году будет защищать спортивную честь страны на очередном первенстве Европы, а может быть, и мира. Неудобно ведь послать на чемпионат ИАРУ обсуждаемый вопрос о расширении масштабов соревнований. Будем надеяться, что советские «охотники» на диск окажутся самыми «меткими» не только в Европе, но и в мире.

она можно и на заказ. Космонавтов еще сравнительно немного. Тут, в отличие, когда тысячи людей уйдут в межпланетные просторы. Поэтому, прежде чем перейти к поточному производству...

...что организовать такое производство? Думать, портные? Что ж, разумеется, без них не обойтись. Но главную роль сыграют антропологи.

Мы нередко думаем, что для антрополога главное — измерить черепную коробку искомого предка, всего несколько десятков тысяч лет назад. Но это просто одна из задач. Больше всего занимало антропологов проблемы, связанные с современным человеком. Недавно само слово антропология в переводе звучит чрезвычайно широко — «человечествоведение».

И среди прочих задач этой науки есть и такая: одевать людей как можно удобнее и красивее. Антропологи причастны и любому наряду — как космонавта, так и каждого из нас. Это они разработали ту самую размер-ростовую систему, которой мы сегодня пользуемся. Спрашивал в магазине костюм «пятнадцатого размера, ростом сто», мы получаем тридцать три размера антрополога.

А ведь еще тридцать лет назад у костюмов была только размер. Фабрики готовой одежды считали, что некие костюмы будут одинаковые по длине Бельведерские, что у всех людей одного роста плечи одинаковой ширины и к тому же идеальной фигуры.

И, конечно, ничего хорошего из этого не получалось. Вот тогда и были приказаны на помощь антропологи.

Вам никогда не приходилось слышать об антропологическом исследовании? Тогда считайте, что вам повезло. Хотя, впрочем, это длинную и утомительную процедуру, чтобы узнать о себе столько нового.

Например, диаметр пальца в суставах. Толщина ушей в покое, в состоянии и разогнутом положении. Ширину ладони. И массу других интересных вещей. Достаточно сказать, что только на месте руки при детальном исследовании делается семьдесят измерений. И это не предел. Руководители лаборатории прикладной антропологии Научно-исследовательского института антропологии Павел Иванович Зензикин считает, что эти измерения не дают еще достаточно полного представления о руке человека. Видь это измерение руки — непростое, погрешности или попорно сожгуту. А на самом деле жизнь — это время и время — это деньги, и этого нельзя не учитывать.

Итак, «страдания» человека, которого измеряет антрополог, почетны. Каждый прошедший через эти обряды предстает тысяче людей.

За последние несколько лет по заданию правительства румын, польско-герман-принадликов обследовала свыше ста тысяч человек. Результаты этой работы послужили основой для целых министерств, инструкторских курсов, в первую очередь — производственных планов фабрик.

Антропологи отобраны почти три-

ста наиболее распространенных среди людей соотношений роста, ширины плеч, окружности талии и т. д. Их ик «принято на вооружение» около ста. Вот эти-то соотношения должны стать для швейной промышленности такой же основой, какой были раньше в авиации соотношения «размер — рост».

Но из этого не вымечается вторичные антропологии в дела одежные. Мало знать, каких размеров шить костюм. Следует еще знать, сколько нужно выгустить костюм какого размера. Следует, необходимо учесть, что старорослые в среднем более высокого роста, чем старостомые, а дядьки или более высокорослы, чем дядули или белороссы. А среди новосибирцев больше высокорослых, чем в Юм м АССР.

И для швейных фабрик ряда областей страны по рекомендации антропологов внесены изменения в производственные планы, изменены цифры выпуска одежды разных размеров.

Разумеется, не только костюмы и пальто требуют внимания антропологов. То же относится и к перчаткам, и к головным уборам, и к обуви.

Со эту работу антропологи ведут в содружестве с Научно-исследовательским институтом швейной промышленности. Ученые-швейники переводят данные антропологов в рабочие инструкции для производства. Вместе они создают манекены — не тех мартовских красавиц и красавцев, что стоят за стеклом витрин, а манекенов-работяг, нужных на швейных фабриках.

Но, пройдя все инстанции утверждения, новая система стандартов застряла в кабинетах директоров фабрик. Они, по самым трудным шагам осталась ей до «костюмостроителя» — потребителя, клиента, до нас с вами.

Еще в начале 1963 года швейная промышленность Союза должна была перейти на производство одежды с указанием не только размера и роста, но и полноты. Нам бы сейчас привычнее поглядывать на новые трехцветные этикетки, изредка дивясь заземляющемуся «аэроформинговому» костюму.

На деле же трехцветная этикетка остается «пока» в магазине не ходячей, а случайной гостьей, диковиной. Вот и приходится прямо из магазина идти в ателье и перешивать Брюны или пальто.

К этому, конечно, есть и объективные причины. Новая система типоразмеров требует больших изменений в работе портных, порою даже переоборудования его. Но самый опасный недостаток — это фабрик — это по отношению к новому. «Новосибирские» портные в швейных фабриках стоят вать под свой контроль введение новой системы. Ведь цель ее — сделать каждого человека измачанным и красивым.

А разве сотня типоразмеров не в состоянии удовлетворить всех людей? И прежде всего спортсменов. Спорт укрепляет мышцы, осваивает тело от вредного мира, развивает фигуру. И тем самым, увы, мешает многим спортсменам одеваться красиво.

Любопытный случай произошел недавно лет назад. Для физиологической закалки и спортивного приросту тысячи парадных костюмов, румынскими высшими предварительными нунами «размеры» и «рост», то есть попросту указать ширину груди, плеч и рост.

Но тогда началось предательское движение — запада синдикалом. Окедра уродовала красавиц и сильных людей, безобразно оттащившие костюмы похищены на них безобразными мешками.

Действительно, вулчины-гимнасты, например, часто вынуждены носить пиджак пятнадцат второго размера. Брюны — сором шестого или седьмого.

Именно поэтому в институт физиологии обратился Центральный комитет спорторганизации и спорторбразования с просьбой разработать систему размеров парадных костюмов для Олимпийских игр, спартакиад, массовых спортивных праздников.

Среди спортсменов выделены четыре большие группы: борцы, легкоатлеты, гимнасты и баскетболисты. И первым обследовали гимнастов и баскетболистов. На спартакиаде в Ленинграде и непосредственно в спортивных обществах через руки антропологов прошли почти полторы тысячи мастеров спорта и перепарационеров. В конечном счете были созданы размер-ростовые шкалы по этим видам спорта.

Ведь только спорт, но и многие профессии предъявляют на человека определенный отпечаток. Антропологи приступили, например, и к изучению этой точки зрения шахтеров. И это только начало.

Придет время, и в магазинах одежды над приваженными табличками одежды для молодежи, одежды для полных, одежда для спортсменов и, само собой разумеется, одежда для космонавтов.

Тут бы и кончить статью. Но разве роль антропологии в народном хозяйстве ограничивается только участием в создании одежды? Конечно, нет. От швейной пути до кабины самолета соответствует нас забота антрополога. Ведь это они обеспечивают величинам средний рост детей определенного возраста. И они же заботятся о том, чтобы в кабине реактивного самолета летчику было удобно, чтобы каждая рукоятка и кнопка была «под руку».

Еще более сложными задачами ставит перед антропологами внутреннее оборудование космического корабля. И дело не только в создании чисто бытовых удобств и удобств управления. Для создания неразрывных противостойких устройств нужно знать удельный вес отдельных внутренних органов человека. Это опять-таки чисто антропологическая задача.

И я не говорю увы о том, что летным костюмом космонавта, его снарядом, конечно, создается с учетом данных антропологии, но в какой-то мере в переводе означает «человечествоведение».

Рисунки В. НЕДОГОНОВА

КОМБИНАТ
КОСМОВОДО
РЕСУЛЬТАТЫ
ПЕРЕДАЧА ЦИФР

«Шахматы всегда были любимым видом спорта у знаменитого отца и воинов Советских Вооруженных Сил. Теперь, когда культурный и социальный уровень личного состава армии растет, особенно возрос, шахматы пользуются особой популярностью в воинских частях на кораблях, в военно-учебных заведениях, дома офицеров.

Итак, военные, высоко ценя шахматы за то, что они дисциплинируют человека, способствуют воспитанию воли, выдержки, развивают память, быстроту реакции, точность, приучают логично мыслить, словом, как говорят, являются хорошей гимнастикой ума.

Эти качества особенно необходимы каждому современному воину в настоящее время, когда военная техника несанкционированно шагнула вперед, тогда на вооружении армии находится ракетная, авиационно-высокотехническая и другая сложная техника, когда успех бою решать могут в считанные секунды. Это была задача министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р. Я. Малюгина — создать синтезатор шахмат, что является игрой прочно вошедшей в быт советского воина.

За последние время армейские шахматисты участвовали в различных турнирах и матчах, в первых пяти подпольных, мате, в турнирах офицеров и военных округов, в значительных шахматных конкурсах, в турнирах «Красной звезды» и других армейских газетах. Нельзя не вспомнить, что в армейских шахматах традиционные шахматные олимпиады «Смеши» являются самыми и самыми старыми из победителей первой олимпиады «Смеши» капитан-лейтенант А. Карснев.

В настоящее время проводятся личные и командные всесоюзные чемпионаты 1963 года чемпионы Советской Армии стали заслуженными мастерами спорта (Васу) и молодежь талантливых спортсменов В. Мосюнович (Иркутск) и армянец Григорьев. Им видны огромные возможности высококлассифицированных шахматистов Советской

Под редакцией мастера В. ЛЮБИЛИНОВА

двух тысяч первоармейских и кандидатов в мастера. Во главе этого отряда — два гроссмейстера и двадцать пять мастеров спорта. Не следует упоминать первый международный турнир армянской шахматной команды, состоявшийся на соревнованиях в Варшаве.

Думаем, что читатели «Смеши» с интересом познакомятся с несколькими армянскими эпизодами из шахматной практики армейских мастеров.

На большом международном турнире в Таване в 1963 году Е. Гельпер выиграл прекрасную комбинационную партию у известного болгарского шахматиста гроссмейстера М. Бобцова.

Динамика позиции сложилась после 14-го хода черных. Динамика позиции сложилась после 14-го хода черных. Динамика позиции сложилась после 14-го хода черных.

которую болгарин пошел в проигрышное окончание.

Последнее продолжилось так: 15. Фh3! g7 16. h3-e4 17. C-e4 f5 18. ef 19. f7 20. Фh3-e4 21. C-c4 d4 22. Фh8-Kрe7 22. Фg7-L C17 23. C-f7 Фh3 24. Jвe4-L C65 25. Фg7-h3 J1: h3 26. Cfd1 Крb6 27. C-c4 bc 28. Kfd1, и белые с двумя лишними пешками легко добились победы.

На второй диаграмме положение, созданное после 12-го хода черных в партии В. Макогоню — Д. Усмановой, сыгранной на всесоюзном турнире.

Сергей топик мастером Макогоню, играющим белыми, фиксирует узловые пункты в лагере противника и постепенно парализует действия (вообще, но без «пешки» партнера) пешечной внешней эфферта, во что не менее тонкая и эффективная игра армянского чемпиона вызывает восхищение.

Последовало: 13. ed ed 14. Kf1 Кe4 15. Кd2 Кd3 16. Kd4 Jасb 17. Ch3 Jдb8, b4 Kd8 19. az Kp5 20. Cc2 Jbсb 21. Kf1 Кd4 22. Kd4 Kc4 23. Фe5 Kсb 24. Jf1 J1 C1 25. J1-c1 Фd7 26. Ch3! Jd7 27.

ХРАШЯ ГИМНАСТИКА УМА

К: e6 fe 28. Kd6! Черные сдались.

А на третьей диаграмме ситуация, в которой молодой армянец В. Василь выиграл партию у известного чемпиона К. Киамана в комбинационном перестроении рода.

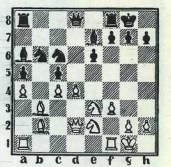

Бросив взгляд на позицию, белочеловек шахмат сразу поймать, что мастер разыграл один из вариантов популярной в наши дни сицилианской защиты. На очередном 11-м ходу армянец выигрывает бешеного болвана. Не опасаясь, что разлетит ферзь, вылетев на его ружье инициативу, вылетев в строительном темпе разбегается поборонистое ступенчатое он бунуально на борюго короля.

Черный, завершившись так: 11. ... Фd7 12. Кd4 еd 13. fe Jсb7 14. Ch3 C-b5 15. Jf1 Kd1 16. K-c5 fe 17. e6! Крb8 18. Cf4. Черные сдались.

Живейшим интересом следуют армянские шахматисты к игре молодой армянской чемпионки В. Мосюнович в партии на турнире ПИ Спортландия народов СССР, где

она черными одержала верх над одной из лучших шахматисток армянской партии Л. З. Туловской. После 18-го хода белых на доске сложилось следующее положение:

Почувствую проследить, с нашим искусством Месонянник активизирует действия своих легких фигур, которые, взаимодействуя с черными ферзем, вернут королю белых в «смертельную» позицию.

Собачка разберутся так: 19. C-c4 K-d4 20. Ф-d4 Fe7 21. Kрb7 Ccb1 22. Cg6 25. Jас7 1аd8 26. J1: d8 J1: d8 27. Jd1 Kc1 28. Kc3 Kd2 29. Kрb7 Kc4+ 30. Крe2 Фh5+ 31. Kрf1 e-ф 32. J1: d8! C7: d8 33. Фe3 e-ф 34. 34. Крe2 Cc5 35. Kd1 Kc4+ 36. Kрf1 Cc4. Белые сдались.

В заключение предлагаем читателям «Смеши» проанализировать и найти решение остроумной задачи талантливого шахматного композитора майора Л. Уланова.

Белые начинают и дают мат в четыре хода.

Путешествие в глубь океана

Менее чем в брате пробы, обследовав находки на дне моря. Зинаид нового глубоководного корабля будет работать на трех океанах. Расчетная глубина погружения батискафа — до 3500 метров.

Реализацию проекта Кусто вела на американская фирма «Вестинггауз электрик корпорейшн», уже приступившая к постройке аппарата.

Меридиан колман

Контроль за движением горных машин в шахтах на сегодняшний день заданного направления является одним из основных практических вопросов безопасности. Оригинальный прибор для контроля за движением нарезных машин, ведущих разработку угля под землей, сконструирован сотрудниками Донецкого научно-исследовательского угольного института.

Конструкторы нового прибора при-

Электронное сверло

Уникальная установка для обработки деталей создана группой ученых научно-исследовательского института Манфреда фон Ардена (Германская Демократическая Республика) сам. Самое удивительное в ней — сверло. Это пучок электронов, испускаемых с помощью особого устройства. Диаметр луча, падающего на деталь, — от 5 до 150 микрон. С помощью такого сверла обрабатываются изделия толщиной не более двух десятых доли миллиметра.

Электронный луч может выступать в роли резца и фрезы.

Подводный танкер

Проект подводного танкера разработан японским инженером Горо Сато (по расчетам, подводные танкеры могут быть экономически выгодны при грузоподъемности в 1000 тонн).

Новый корабль не имеет ни одной надстройки и по внешнему виду скорее напоминает подводную лодку. Длина танкера — около четырех километров, ширина — восемьдесят метров.

Маневренность и стабильное положение корабля под водой обеспечиваются огромные плавающие с рулевыми аппаратами. Устойчивость корабля при всплытии на поверхность сохраняется особыми реактивными баллонами, выталкивающими забортную воду и толкая ее с силой вырывающейся воды.

Силовая установка танкера — атомный двигатель мощностью 335 тысяч лошадиных сил. Скорость в погруженном состоянии — до 20 км в час (65—70 километров в час).

Фото В. ТЮККЕЛЯ

РЕМЕСЛО СТАНОВИТСЯ ИСКУССТВОМ

Н адпись на вывеске у входа гласит: «Московское профессионально-техническое художественное училище № 64».

Почти четыреста человек занимаются здесь. Будущие столяры-краснодеревцы, слесари-гравюеры, мастера по росписи игрушек изучают историю искусств, технику рисунка, конструирование.

Побывав в мастерских, я увидела весь цикл обучения. Персюрский Коля Точилин заканчивает сборку табурета. Он получает крепкий, ладный. Наверное, потому, что столярничать Коля начал еще в пятом классе, часами не выходя из школьной мастерской. А после седьмого пошел в училище. Табурет — первая самостоятельная работа каждого начинающего столяра-краснодеревца.

На верстаках второкурсыков — инструменты положены и готовые изделия показаны: журнальные столики, шкафчики, украшенные мозаикой. В мастерской приятно пахнет мебельным лаком. Это Дима Пиваров и Олег Бузанов лакируют телефонный столик — последний в целой партии, заказанной одним из московских институтов. Столики отличные: мастерами фанерованные, что называется, без сучка, без задоринки.

Когда бываешь в мастерской, кажется, что главное для работника — уметь орудовать долотом и рубанком. Так обязательна ли для них предусмотренная программой большая теоретическая подготовка? Неужели нельзя сделать обычный стул, не проштудировав массу книг по эстетике, живописи, истории декоративно-прикладного искусства? Нет, нельзя! Потому, что специалист-мебельщик должен думать не только о прочности и устойчивости. Он обязан обладать высоким художественным вкусом, учитывать обстановку, в которой будет стоять задуманная или сработанная им вещь: и габариты квартиры, и удобство, и требования современного интерьера.

Выпускники училища по «столярному факультету» — это будущие бригадиры, мастера, инженеры мебельных предприятий. В училище хорошо помнит бывшего воспитанника Ю. Цибенкова. Теперь он конструктор на московском деревообрабатывающем комбинате № 9. Начинаящий столяром В. Сеннин — главный инженер этого комбината, А. Гусков —

Начинающие краснодеревцы Костя Поленов и Саша Пиваров полируют мозаичные панно.

«...среди сиюго беса оставилась Тарас и вскрикнула.
«Стою! Выпала лобка с табаком; не хоч, чтобы и
лобка осталась вражеским лхаз. Небольшо вделю-
нашь эти слова, глядя на инкрустацию по дереву, сде-
ланную ребятами.

инженер, О. Крылов — бригадир
Бригады коммунистического тру-
да на мебельной фабрике № 3.

Весной, сдав госэкзамен и за-
щитив дипломы, уйдут на пред-
приятия и подготовленные в учи-
лище художники по росписи иг-
рушек. А сейчас на их рабочих
столиках колма разноцветного
пластлина, краски, всевозмож-
ные заготовки, кусочки материи,
рисунки. Игрушки здесь делают
по собственным эскизам. Огром-
ный простор для мысли, фанта-
зии. Я смотрю на не закончен-
ные еще фигурки — и знакомы
вроде бы эти лисицы, совы, ку-
клы, пусы, и в то же время я
в каждой есть что-то свое, не тра-
фаретно-сказочное, а оригиналь-
ное, авторское.

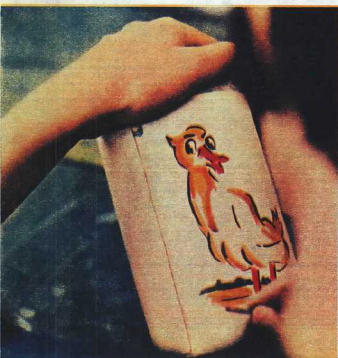
О талантливых мастерах гово-
рят: золотые руки. Хочется ска-
зать это и о ребятах из профес-
сионально-технического художе-
ственного училища № 64. Три года
назад они не умели правильно
держать рубанок, не умели обра-
щаться со швейной машинкой и
сверлильным станком. Сейчас их
искусство известно не только у
нас в стране, но и за рубежом:
изделия выпускников училища де-
монстрировались на промышлен-
ной выставке СССР в Лондоне.

Вчерашние ремесленники, при-
ходящие на предприятия из учи-
лища, сегодня подлинныя художни-
ки. Они создают красоту, укра-
шают наш быт.

В. БОЧАРОВА

Игрушки, сделанные Верой Минаковой, принесут радость и детям и взрослым.

С точностью до долей
миллиметра выточивают-
ся пресс-формы. Володя
Балабонен снимает бор-
машинной лишние граммы
металла.

«А вот и я!» — сказала
только что «вымучив-
шийся» утюжок.

Юмористический рассказ

Вечно с нашим классом какие-нибудь шуточные случаются! Не успели как следует отбора одноклассников пазурьков отбиться, как новые неприятности: у статуи «Купальщица с юнгой» нос-овывались.

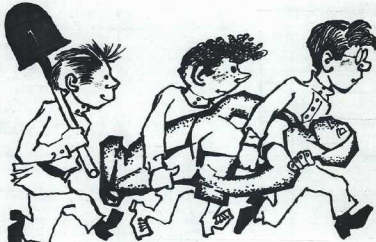
От уж эта статуя! На самом деле даже не статуя, а переходящий приз по шапкам. Еще ни в одну голову не приходила мысль завоевать его дважды, а мы упустились. К тому же авось так вышло, что наши девочки обошли всех по шитью, и купальщицу носовсем закрепили за нашим классом.

Директор школы Евгения Афанасьевна велела поставить ее между спортзалом и кабинетом кройки и шитья в назидание девочкам, которые не признают шажек, и спортсменам, которые не признают девочек.

А вышло не назидание, а потеха, потому что у статуи оказались две левые ноги.

Ростовала она всего две недели. И ровно две недели вся школа подвешалась со смеху над этим произведением. А мы краснели как раки от стыда и проклинали шажку и шитье.

И когда статуя уже всем порядком надоела, как горькая редька, захоч Альберт Юльевич внезапно покрасил ее в серебряную краску. Над нами посмеялись еще неделю, а потом у нас отвалился нос, и стало не до смеха.

Наша классная руководительница Инга Ильинична собрала весь класс и спросила:

Кто?

— Мы сказали.

— Никто.

Она спросила:

— Но ведь не сам же он!

Мы ответили:

— Может быть, и сам. Может быть, под действием каких-нибудь внутренних сил. Или гипс плохого качества.

Инга Ильинична не поверила и перестала с нами разговаривать.

...Есть у меня товарищ Сашка Вилькин — ярый художник и мой сосед по парты. Так он недавно привел к нам одного дяденьку-художника, который

нам теперь почти каждый день с шести до восьми вкус прививает на общественных началах. Книжки с картинками носит, в жуки водит.

Когда нам вручили купальщицу с юнгой за наши достижения, он сразу

объяснил нам, что она типичная безвкусница и что с ней надо бороться.

Тогда мы организовали травлю статуи и под конец сгорача отбили ей нос.

— В общем, мы молчали. Нас ругали за неправильно понятое чувство товарищества, поместили карикатуру в школьной стенигазете, но мы не унывали и молчали.

Потом мы выдержали, пришли всем классом к директору и сказали, что нос — это наше общее дело.

Евгения Афанасьевна сказала, что мы не туда направляем свою энергию. Вместо того, чтобы подтянуться по ботанике, мы портим произведение искусства.

Купальщица же она приказала поставить в затененное место лицом к стене. Но на следующий день статуя пропала вовсе. Конечно, скандал чуть было не разразился: все-таки произведение искусства. Но Евгения Афанасьевна объявила, что это по ее просьбе захоч Альберт Юльевич вывоз купальщицу, куда надо.

На самом же деле, когда мы узнали, что Альберт Юльевич хочет приклеить нос обратно, чтобы снова нам вручить, мы решили судьбу купальщицы открытым голосованием и вынесли ее во двор школы, где и закопали лицом вниз.

Только вот чудо: наша купальщица вылезла из ямы! Не верите? Пройдите мимо любой школы и увидите. Когда с юнгой, когда с веслом, все равно покрашенную серебряной краской. Может быть уверены, что это наша бывшая статуя, от которой мы хотели избавиться. Наверное, захоч откопал.

НА КАТКЕ

Ирки МАРЕК

РАССКАЗ

Случилось это давно. Были мы тогда маленькими, и было нам в ту пору лет по двенадцати. Мой товарищ обещал пригласить на матч подружку своей сестры — маленькую худенькую блондинку, умасно любившую смеяться.

Мы были возмущены и чувствовали, что нас связывает не только общая тайна, но и то, что нам предстоит с возможностью заглянуть в какой-то тайный, неизвестный для нас мир.

Купил кучечку каравали, мы стали ждать ее у деревенских перек, где обычно торговали гаванто помогали своим дамам надевать юбки. Мы трепетали от одной мысли, что и нам предстоит такая же образом помочь ей надевать свои юбочки. Знали мы и то, что уступив ее каравалу где-нибудь на первом кругу, а уж потом и сами поубавим.

Мы слушали музыку и

дронали от хохота. Рядом продавали горькой чаю, но у нас не было денег ни их потратить на конфеты. При этом нам и в голову не приходило нажать их есть, впрочем, потому, что мы были уже мучничаемы, а не валяными детьми, которые не умеют владеть собой, если у них в кармане сладости.

Но она не пришла.

Уже совсем стемнело, когда мы поняли, что она не придет.

Донной мы возвращались молча, то и дело оглядывались и в глубине души все еще на что-то надеялись. Конфеты мы наконец есть лишь тогда, когда уже подошли к дому; не шогли же мы их принести домой.

И странное дело: они были совсем горячие, эти молочные каравалы.

Перевод с чешского Веннами МЯКЛОШ.

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

— ЧТО, ПРЫГАЕТ УЖЕ БРУМБЛЭЙ!

— А ЭТО НАШ САМЫЙ РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ ИГРОК.
Рисунки А. СУХОВА

ТОВАРИЩ ПРОДАВЕЦ, МНЕ ВОН ТОГО КАРПА...

Рисунок В. КОНОПЛЯНСКОГО

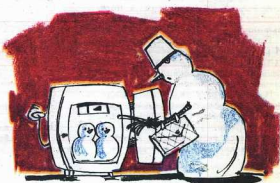
ПАПА — ШОФЕР.
Рисунок В. ВОРОНЦОВА

— ОН ВСЕГДА ОЧЕНЬ ТОРОПИТСЯ ДОМОЙ
Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ТРАВЯНОЙ ХОККЕЙ.
Рисунок А. СУХОВА

— Я УХОЖУ, ДЕТИ, БЕЗ МЕНЯ ДВЕРЬ НИКОМУ НЕ ОТКРЫВАЙТЕ...
Рисунок В. ВАКСМАНА
и В. СЕРЕБРЯНСКОГО

Коротко об ИНТЕРЕСНОМ Коротко

АЛЮМИНИЙ ИЛИ СВИНЕЦ?

АЛЮМИНИЙ ЛУЧШЕ, ЧЕМ СВИНЕЦ, ПРЕДОХРАНЯЕТ КОСМОНАВТОВ ОТ КОСМИЧЕСКОГО ОБЛУЧЕНИЯ. ДА И В ТОМ, ЧТО В УСЛОВИЯХ КОСМОСА ТЯЖЕЛЫЕ МЕТАЛЛЫ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НИМИ ПРОТОНОВ СТАНОВЯТСЯ ОПАСНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ ВТОРИЧНОГО ИЗЛУЧЕНИЯ. К ТАКИМ ВЫВОДАМ ПРИШЛИ АМЕРИКАНСКИЕ УЧЕНЫЕ ПРОВЕДИВШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ВСЕВОЗМОЖНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТАХ В КОНТЕЙНЕРАХ ИЗ РАЗНЫХ МЕТАЛЛОВ. ЭТИ КОНТЕЙНЕРЫ В ТУШЕНИИ ПЯТИДЕСЯТИ ЧАСОВ НАХОДИЛИСЬ НА БОРТУ АМЕРИКАНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО СПУТНИКА ЗЕМЛИ ЗАПУЩЕННОГО ВО ВРЕМЯ МОЩНОГО СОЛНЕЧНОГО ПРОТУБЕРАНСА.

Уникальные скульптуры

Знаменитый скульптор Карло Бартоломео Растрелли создал удивительную фигуру сидящего в кресле Петра I, у которого лицо и кисти рук, лежащие на подлокотниках кресла, были вылеплены из воска. Ни до, ни после Растрелли такие восковые скульптуры в России не создавались. Некоторые из выдолбленных вателем в России портретов известны теперь, к сожалению, только по документам. Издательство Ленинградского Эрмитажа выпустило книгу, рассказывающую об этих уникальных произведениях.

Дерево и соль

К листу фанеры поднесли горящую паяльную лампу. Однако, к удивлению окружающих, поджечь лист не удалось, хотя температура пламени доходила до тысячи градусов. Слово это было не дерево, а металл. Прошло не менее получаса, прежде чем на поверхности листа обнаружилась небольшая дырка. Такую негорящую фанеру разработала одна из американских фирм. Секрет в том, что лист фанеры под давлением был пропитан раствором соли. Это-то и придало дереву свойства невоспламеняющегося материала.

Первая страница обложки: Не впервые поднимает в заблажную высоту самолет летчик Борис Вереев.
Фото В. МИШИНА

ПИСЬМЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
Москва, А-47, Бульварный пр., 14.
ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87, отдела литературы и искусства — Д 3-31-57; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-58; международная линия — Д 3-31-59; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; индекс — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; информация — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Семозин.
Редакторы: Ю. Н. Веренин, Е. А. Долматовский, К. И. Замашкин, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], В. А. Кочетов, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], Е. И. Рачников, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.
Оформление В. Соколова.
Технический редактор Н. Будкина.

А 00325 Подписано к печати 11/II 1964 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 358.
Заказ № 162. Формат бумаги 70x108/8.
2 бум. л.—5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

МЫ ВАС ПОДОЖДЕМ

Песня «Мы вас подождем» уже исполнялась по радио, но до сих пор еще не издана. Я получаю много писем от радиослушателей с просьбой выдать ноты. И я очень благодарен «Смене», которая впервые эту песню печатает.

Прошлой весной, как и поэтом К. Ваншенкиным побывали в воинских частях. Куда бы мы ни приезжали, нас всюду просили написать новую песню о Советской Армии и, по возможности, хоршоше. Летчики просили песню о летчиках, танкисты — о танкистах, связисты — о связистах, пехотинцы — о пехоте. Мы попытались откликнуться на эти пожелания. И хотя трудно бывает никак предвидеть судьбу песни, в личном смысле думаю, что эту песню, хотя она, в общем, и армейская, никогда не будет петь ни летчики, ни танкисты, ни связисты. Пехотинцы ее тоже петь не будут. Но, может быть, песню «Мы вас подождем» спойут девушки.

Здуярд КОЛМАНОВСКИЙ

Музыка Э. КОЛМАНОВСКОГО

Слова К. ВАНШЕНКИНА

Мы вдоль спящих домов проходили,
До утра не сомкнули мы глаз.
Вот мы в армяно вас проводили,
Стало грустно, ребята, без вас.

Не забудем, как с вами прощались
На перроне под теплым дождем.
Будем ждать, если мы обещали,
Вы служите, мы вас подождем.

Вы служите спокойно, ребята,
Будем ждать вас, отважных бойцов.
Так вот матеря наших когда-то
Ждали в юности наших отцов.

Знаем мы, что трудна ваша служба —
Всё учёна да ранней подыме,
Только вам сомневаться не нужно,
Вы служите, мы вас подождем.

К нам разлука приходит впервые,
Впервую раз вы от нас далекие.
Нет войны, вы вернетесь живые,
Но без вас все равно нелегко.

Будут наши свидания сладки,
Будет весел родительский дом.
Вы — солдаты, мы — ваши солдаты,
Вы служите, мы вас подождем.

Умеренно

а tempo

Мы вдоль спящих домов проходили,
До утра не сомкнули мы глаз.
Вот мы в армяно вас проводили,
Стало грустно, ребята, без вас.

Не забудем, как с вами прощались
На перроне под теплым дождем.
Будем ждать, если мы обещали,
Вы служите, мы вас подождем.

Вы служите спокойно, ребята,
Будем ждать вас, отважных бойцов.
Так вот матеря наших когда-то
Ждали в юности наших отцов.

Знаем мы, что трудна ваша служба —
Всё учёна да ранней подыме,
Только вам сомневаться не нужно,
Вы служите, мы вас подождем.

К нам разлука приходит впервые,
Впервую раз вы от нас далекие.
Нет войны, вы вернетесь живые,
Но без вас все равно нелегко.

Будут наши свидания сладки,
Будет весел родительский дом.
Вы — солдаты, мы — ваши солдаты,
Вы служите, мы вас подождем.

Составил Л. ТУРЕК
г. Ленинград

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

- Персонаж пьесы А. Н. Островского «Воскресение».
- Польский живописец XIX века.
- Маршал советского флота.
- Болгарский революционер.
- Крупное поселение, административный и культурный центр.
- Чешский писатель.
- Физик, открывший особый вид излучения.
- Город в Югославии.
- Шведский ученый, конструктор глубоководных батискафов.
- Один из героев романа М. А. Шолохова «Тихий Дон».
- Порт Северного Девона.
- Молдавский духовный инструмент.
- Выдающийся русский писатель и политический деятель Древнего Рима.
- Страна в Восточной Африке.
- Древнее государство в долине Нила.
- Самый крупный из Малых Зондских островов.
- Листоной древесный материал.
- Промежуток времени, характеризующийся определенными событиями.
- Соленое озеро в Казахстане.
- Семья действующих лиц в романе А. И. Степанова «Порт-Артур».

По вертикали:

- Государство в Африке.
- Хлопатообумажная ткань.
- Первая черва Балканских гор.
- Песня И. Горького.
- Казахский писатель.
- Австрийский композитор и дирижер.
- Река в Монгольской Народной Республике.
- Цветочно-декоративное, луковичное растение.
- Стихотворение А. С. Пушкина.
- Озеро, на берегах которого расположен Стоунхендж.
- Город в Италии.
- Зодиакальное созвездие.

- Древнегреческий историк.
- Американский писатель.
- Новосибирский герой партизанского движения на Украине в Великую Отечественную войну.
- Струнный шпильный музыкальный инструмент.
- Река в Африке.
- Руководитель партизанского отряда в Отечественной войне 1918 года.
- Химический элемент, газ.
- Минерал, чистый кристаллический углерод.
- Советский космический корабль.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

- Ортоцентр.
- Молдавия.
- Петляков.
- И. Охотск.
- Данота.
- Амальган.
- Кайман.
- «Ундина».
- Бокс.
- Кран.
- Орган.
- Тамбалак.
- Солов.
- Ведлей.
- Мергель.
- Анион.
- Злугрия.
- Зубер.
- Илек.
- Лисма.
- Олеши.
- Ягуна.
- «Хованщина».
- Ангара.
- Арубин.
- Караинал.
- Байрака.
- Сисдиометр.

По вертикали:

- Стриж.
- Индер.
- Одарка.
- Рулада.
- Клетка.
- Скаунт.
- Михайлов.
- Вотинск.
- Альбрехт.
- Мост.
- Норм.
- Кордонно.
- Небосвод.
- Универсал.
- Андромеда.
- Калинин.
- Карелия.
- Коперник.
- Румянина.
- Медведица.
- Лето.
- Яши.
- Иштара.
- Атвара.
- Харус.
- Аглард.
- Радия.
- Кавар.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820

Тридцать лет назад под Свердловском были проведены первые в нашей стране соревнования по слалому. С тех пор он занял прочное место в нашем спорте, да и само норвежское слово «слалом» перестало восприниматься как иноязычное.

Тысячи юношей и девушек навсегда отдали свои сердца головокружительным горным спускам, по которым в хитроумных комбинациях расставлены «ворота», помеченные разноцветными флажками. В нашей стране сейчас имеются великолепные слаломные трассы: под Алма-Атой, в Кировске, Бакуриани, — они помогут советским спортсменам совершенствовать свое мастерство, чтобы на равных правах бороться с общепризнанными «королями гор» — австрийцами и швейцарцами.

На закончившейся недавно IX зимней Олимпиаде наши спортсмены выступили успешнее, чем на всех предыдущих международных соревнованиях. Этот успех можно считать ретелицией перед грядущими победами.

Фото В. ГИПЕНРЕЙТЕРА

